

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (СПбГУ)
Институт философии

Заведующий Кафедрой
конфликтологии
_____ А.И. Стребков

Председатель ГАК

Выпускная квалификационная работа на тему:
*КОНФЛИКТНЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Направление 37.04.02 – Конфликтология

Рецензент:
д.ист.н., профессор
Карпухин С.В.

Выполнила:
студентка магистратуры
Капустина Елена Сергеевна

Научный руководитель:
канд.соц.н., доцент
Абгаджав Д.А.

Санкт-Петербург
2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
1. ОСНОВЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПОНИМАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА	8
1.1.Теории коммуникации как теории власти.....	9
1.2.Демократия как территория конфликтной коммуникации.....	24
2. КОНФЛИКТНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	37
2.1. Модели коммуникации как выражение конфликтного потенциала отношений.....	37
2.2. Протестное движение в России как конфликтная коммуникация в действии.....	60
Заключение.....	77
Литература.....	79

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования для общества состоит в том, что в настоящее время в России пока не найден путь достижения консенсуса и выстраивания диалога между властными структурами и гражданским обществом. При этом обнаруживается проблема своеобразия конфликтного взаимодействия, понимаемого исключительно в негативном ключе. В то же время конфликт представляется нам неперенным элементом функционирования и развития общественной жизни, нормой социальных отношений, вскрывающей противоречия и тем самым делающей возможным их разрешение. Таким образом, конфликтные формы взаимодействия – это определенный ресурс преобразования, трансформации, модернизации.

Важно учитывать, что в российской действительности культура конфликта, равно как и адекватное восприятие конфликтных форм взаимодействия, еще только в начале своего установления. До сих пор остаются неразвитыми каналы коммуникации, способствующие представительству интересов и удовлетворению потребностей широких слоев населения. Уже сегодня необходимо признать неизбежное присутствие конфликтных форм взаимодействия в политической коммуникации России, отказ от подавления таких форм в пользу урегулирования и использования во благо развитию общества, наличие разносторонних и иногда разнонаправленных интересов в обществе, а также невозможность производить изменения силами только либерально-ориентированной элиты при наличии массовых оппозиционных настроений. В этих условиях становится очевидным не только наличие конфликтного потенциала в российском обществе, но и необходимости изучения его специфики.

Проблема исследования заключается в обосновании следующих тезисов: конфликтные формы коммуникации являются необходимым элементом взаимодействия между властью и обществом, имеющим собственную специфику и трансформационный потенциал.

Степень научной разработанности. Основным акцентом в работе являются концепции властно-коммуникативного взаимодействия. Понимание коммуникации как пространства властного взаимодействия берет начало в работах классиков информационно-коммуникативного подхода: Г. Лассуэла, К. Шеннона и У.Уивера. Исследование властной коммуникации в рамках соблюдения и отклонения от нормы функционирования системы предложил Т.Парсонс.

Весомый вклад в развитие коммуникационного подхода внесли теория социального взаимодействия Г. Зиммеля, концепция общества как коммуникации Н. Лумана, символическое осмысление властной коммуникации П.Бурдьё, концепции коммуникативного действия и исторического консенсуса Ю. Хабермаса. Л. Пай отдает большое значение развитию коммуникации как условию установлению демократического режима. В квалификационной работе использованы принципы научных исследований, разработанные в рамках конфликтной парадигмы анализа социальных и политических процессов (концепции Л. Козера, Р. Дарендорфа, М. Дойча). В целом, работы этих исследователей образуют основание для изучения конфликтной коммуникации как источника развития властных отношений.

Современные исследования коммуникативного аспекта власти развиваются в либеральном ключе, берущим свое начало от концепции С.Липсета. Ряд авторов (Д. Най, Б. де Жувенель, Д. Валадес) в своих работах подчеркивают важность развития эффективной коммуникации между властью и обществом как залог стабильности политической системы.

Для моделирования конфликтно-коммуникативного взаимодействия использовались разработки А.Ю. Сунгурова по исследованию российского опыта взаимодействия органов государственной власти и структур гражданского общества. Новый виток в исследовании механизмов взаимодействия власти и общества дает концепция сложносоставного

конфликта, предложенная Л. И. Никовской и В. Н. Якимцом для анализа политической трансформации России.

Понятно, что полноценное и глубокое исследование причин, динамики и последствий конфликтной коммуникации невозможно посредством только лишь политического анализа. Применение междисциплинарных связей в квалификационной работе выражается в использовании литературы по политологии (Ахиезер А.С., Белокурова Е.В., Кудряшова М.С., Красин Ю.А., Герасимова Е.В., Осетрова Е.В., Тимофеева Л.Н.), социологии (Автономов А.С., Ловкова А.А.), конфликтологии (Атанесян А.В., Козырев Г.И., Коваленко Б.В., Куконков П.И., Макарова И.В., Степанов Е.И.), психологии. (Гришина Н.В., Крамник В.В., Петренко А.И.).

Эмпирическую базу исследования составили данные Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центр), а также аналитические работы по протестному движению в России в 2011-2012 гг. Для освещения событий протестного движения использовались выдержки из новостных порталов (lenta.ru, echo.msk.ru, grani.ru, gazeta.ru, svobodanews.ru, novayagazeta.ru и др.).

Объект исследования: политическая коммуникация.

Предмет исследования: конфликтное взаимодействие власти и гражданского общества в России.

Цель: изучить специфику конфликта как особой формы политической коммуникации.

Для этого реализуются **задачи:**

- 1) рассмотреть теоретические основания коммуникативного взаимодействия власти и общества в теориях власти;
- 2) изучить конфликтный потенциал политической коммуникации при демократическом режиме;
- 3) определить основные модели взаимодействия властных структур и гражданского общества, выделяемые в российской научной мысли;

- 4) разработать собственную комплексную модель к изучению конфликтных форм политической коммуникации;
- 5) изучить протестное движение в России как реальный случай конфликтной коммуникации.

Для обоснования **теоретико-методологической** составляющей квалификационной работы нам представляется наиболее удачным синтез нескольких подходов к пониманию сущности и природы власти. Наравне с классическим («воля к власти»), мы придерживаемся коммуникативного (реляционистского) и конфликтологического (диалектического) понимания.

В работе мы рассматриваем общество как результат столкновения различных интересов и ценностей. Таким образом, опираемся на диалектический подход как своеобразное развитие и конкретизация деятельностного подхода. Работа подразумевает критический анализ конфликтных и нетрадиционных форм коммуникаций, выявление ее внутренних противоречий, конфликтов как источников ее самодвижения, движущей силы политических изменений. Наша работа основывается на принципах плюрализма, т.к. он исходит из позиций противоречий, конкурентного соперничества многообразных идей, ценностных ориентаций, политических и культурных институтов, индивидов и групп.

Также применим сравнительно-исторический метод. С целью исследования политико-конфликтных процессов в современной России привлекались концептуальные разработки в сфере теории политической модернизации, характеризующие её движущие силы и конфликтный потенциал.

Для сбора и трактовки эмпирического материала были использованы анализ документов, метод кейс-стади, вторичный анализ результатов социологических исследований и аналитических данных.

Новизна. Нами выработана собственная комплексная модель к изучению конфликта как формы политической коммуникации в России, позволяющая рассмотреть субъективное и объективное измерение

конфликтной коммуникации, проследить динамику развития конфликта и выявить его специфику.

Структура работы. Квалификационная работа состоит из нескольких взаимосвязанных частей. Прежде всего, это введение, где мы обосновываем актуальность нашего исследования, говорим о подходе и ставим цели и задачи работы.

В работе две основные главы, каждая из которых подразделяется на два параграфа. В первой главе мы приводим теоретические основания изучения коммуникативного взаимодействия власти и общества, а также рассматриваем современный демократический строй с точки зрения конфликтности политической коммуникации. Вторая глава представляет собой рассмотрение российской специфики политической коммуникации: в первом параграфе предлагаются к рассмотрению основные модели взаимодействия властных структур и гражданского общества, а также описывается собственная оригинальная модель, во втором параграфе представлено применение собственной модели на примере протестного движения в России с помощью метода кейс-стади.

Также работа включает в себя заключение, в котором изложены основные выводы исследования и заключительные соображения, и список литературы.

Глава 1. ОСНОВЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПОНИМАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

Взаимодействие государства и общества является необходимым условием политической стабильности и успешного социально-экономического развития страны.

Вовлечение различных структур гражданского общества в процесс политического управления, подготовки и принятия политико-управленческих решений также является одним из условий демократизации общественной и государственной жизни. Нельзя отрицать, что на современном этапе нашей политической системе свойственны высокая степень закрытости процесса принятия решений, отчужденность от потребностей и интересов большинства общества. Существующие элементы гражданского общества не достигли должного уровня развития и самостоятельности в достижении целей артикуляции и агрегации общественных интересов. В таких условиях гражданское общество не может выполнять функцию цивилизованного давления на власть, а все большее распространение приобретают лоббирование или протест.

Неспособность властей относиться к гражданскому обществу как к равноправному партнеру, недоразвитость, разобщенность неправительственных организаций не способствуют налаживанию конструктивного взаимодействия как одного из условий демократизации.

С другой стороны, справедливо то, что гражданское общество во взаимодействии с властью стремится эту власть не просто ограничить в рамках закона, но и перенять некоторые властные полномочия. В этой связи становится особо актуальным взаимное и равноправное сосуществование, а более того – взаимодействие органов государственной власти и гражданского общества.

Вместе с тем, особую значимость приобретает фокусирование внимания именно на формах взаимодействия, которые являются

индикаторами разногласий в ценностях и целях, маркерами проблем, которые нужно решить.

В первой главе нашей работы хотелось бы проследить истоки теоретического осмысления коммуникации как одного из важнейших элементов политики, а также взять к рассмотрению современное демократическое общество как практическое осуществление взаимодействия власти и общества.

1.1 ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ КАК ТЕОРИИ ВЛАСТИ

Исследование власти в информационно-коммуникативном аспекте начинает свое развитие в конце XIX - начале XX вв. Прежде всего, возникновение новой исследовательской парадигмы в политической науке связано с очередной технической революцией в мире – информационно-коммуникационной революцией, возникновением и широким распространением новых средств коммуникации и электрической связи (телеграф, телефон, радио). Именно эти изменения продиктовали новый порядок, новый подход к управлению. Теперь именно управление информационными потоками и развитие информационных технологий стали основным механизмом реализации политической власти, а эффективность политического курса и развития стали определяться успешным управлением политической коммуникацией.

Начало исследований коммуникации начинается с изобретением и совершенствованием различных средств передачи информации с 1920-х гг. В это же время возникают такие новые науки, как кибернетика, информатика, семиотика. Первая работа, посвященная трансляции и обмену информации принадлежит не политологам, а математикам К. Шеннону и У. Уиверу, которые в середине XX века и ввели термин коммуникации в научный оборот. Теория коммуникации Шеннона – это теория «перемещения» информации, то есть обмена данными между системами. На базе информатики и теории коммуникации возникли первые математические

основы теории управления – кибернетики. Так, ключевые идеи Н. Лумана о природе коммуникации, ее сущности были вдохновлены именно математикой и кибернетикой.

Подчеркивалось, что политика невозможна вне человеческой деятельности, многообразия моделей взаимодействия ее носителей, вне процессов коммуникации, связывающих, направляющих общественно-политическую жизнь. Политическая коммуникация представляет собой совокупность процессов информационного обмена, передачи политической информации, структурирующих политическую деятельность и придающих ей новое значение¹. Американский политолог, профессор Массачусетского технологического института Л. Пай называл коммуникацию «паутиной человеческого общества», создающей основу для организованного установления в обществе властных взаимоотношений².

Р.-Ж. Шварценберг определил политическую коммуникацию как процесс передачи политической информации, благодаря которому она циркулирует между различными элементами политической системы, а также между политической и социальной системой³. Как подчеркивает отечественный ученый М.Н. Грачев политическая коммуникация выступает как смысловой аспект взаимодействия субъектов политики путем обмена информацией в процессе борьбы за власть или ее осуществление⁴.

Американский политолог Г. Лассуэлл считается основателем и первым исследователем политической коммуникации (1948). Именно ему принадлежит ставшая классикой логическая схема – «Наиболее подходящий

¹ Политологический словарь /Рук. авт. кол. А. А. Мигولاتьев. М.,1994. С. 73.

² Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика /Под ред. Л.Н.Тимофеевой. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 93.

³ Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология. Ч.1. М., 1992. С.174

⁴ Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика /Под ред. Л.Н.Тимофеевой. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 109.

способ описания коммуникационного акта состоит в том, чтобы ответить на следующие вопросы: Кто? Что сообщает? По какому каналу? Кому? С каким результатом?»⁵. Модель Г.Лассуэлла позволяет выделить отдельные компоненты исследования коммуникации, каждый из которых является ответом на вопрос:

анализ управления (ответ на вопрос «кто?», рассматривает факторы, определяющие сам процесс коммуникации и, в первую очередь, это сам коммуникатор);

анализ содержания (само сообщение, статистика частоты упоминаний конкретных фактов/событий);

анализ средств и каналов для передачи сообщения (к примеру, анализ работы самих СМИ, а также других средств, адекватных потребностям получателя);

анализ аудитории (массовая, узкоспециализированная);

анализ результата/эффекта (в работе Лассуэлла изучалось, в частности, влияние воздействия СМИ на аудиторию: возникает ли интерес к конкретному событию/факту, сообщению или нет).

Нужно отметить, что пятивопросная модель Лассуэлла трактует политическую коммуникацию преимущественно как императивный, побудительный процесс: коммуникатор, отправитель сообщения, в той или иной степени оказывает влияние на аудиторию, выступающую в роли адресата. Справедливо, что такой подход позволяет применять модель прежде всего в области анализа политической пропаганды. При этом, модель «монологична» – отсутствует необходимый для здоровой коммуникации элемент обратной связи, который позволяет говорить не о коммуникации «самой по себе», а о двустороннем взаимонаправленном действии и о социальном, культурном, политическом контексте, возникающем в отношении к процессу коммуникации. Конечно, этот аспект является

⁵ Цит. по: Теория коммуникации / М.Ю.Коноваленко, В.А.Коноваленко. М., Юрайт, 2012. С. 59.

существенным недостатком при исследовании современных процессов коммуникации. Особенно важен двусторонний процесс коммуникации в отношении массовой коммуникации, в кризисных ситуациях, переломных моментах общественной жизни, когда наиболее велико влияние СМИ на аудиторию и конструирование массового сознания, общественного мнения.

Стоит отдельно отметить вклад математической теории в развитие теории коммуникации, авторами которой являются К. Шеннон и У. Уивер (1949). Модель Шеннона – Уивера понимает коммуникацию как линейный и однонаправленный процесс, где источник информации отправляет сообщение посредством передатчика, где оно трансформируется в сигнал, уже адаптированный к передаче по каналу связи, ведущему к реципиенту. Теория изначально создавалась с целью отсеять фоновые шумы от необходимой, полезной информации, исходящей от коммуникатора. Шеннон предположил, что преодоление шума возможно благодаря избыточности сигналов, т.е. постоянного повторения сообщения, минимизации возникновения ошибки в процессе коммуникации. В результате работы Шеннона и Уивера возникает представление о многоканальной коммуникации. По сравнению с моделью Лассуэлла, модель Шеннона – Уивера более реалистична, т.к. показывает, что отправляемые с помощью каналов связи сообщения не гарантируют ожидаемых результатов. Однако общим для моделей Лассуэлла и Шеннона – Уивера является отсутствие важнейших для властно-управленческих отношений элементов обратной связи, ответной реакции на полученный сигнал.

Развитие коммуникативной теории дает новую интерпретацию власти как элемента взаимодействия политических акторов, особую форму коммуникации между субъектами и объектами политического процесса. Множество современных теорий и концепций исходят именно из коммуникативного понимания власти: структурный функционализм Т. Парсонса, концепция коммуникативной рациональности власти Ю.

Хабермаса, концепция средств коммуникации Н. Лумана, символическая концепция власти П. Бурдьё и др.

Понимание коммуникативной сущности власти с точки зрения структурного функционализма представляет американский социолог Т. Парсонс.

В работе «Структура социального действия» он рассматривает акты коммуникации с позиции нарушения или соблюдения нормы, при этом указывает на то, что при встрече сопротивления в процессе коммуникации нормативный элемент становится потенциальным источником социальной напряженности и конфликта.

Важно отметить, что говоря о напряженности, мы непременно сталкиваемся с понятием целостности социальной системы. Эта целостность поддерживается функционированием и взаимодействием целого комплекса элементов социальной системы, имеющим своим результатом достижение равновесия и проходящим в процессе функционирования через «точки роста» социальной напряженности.

Процесс коммуникации по Парсонсу – это процесс непрерывной работы всей социальной системы с целью достижения равновесия, в котором, тем не менее, неизбежно возникновение отклонений от нормы и напряженности. При существенном дисбалансе системы социальная напряженность может и перерастает в конфликт, который, в свою очередь, может привести к распаду существующей структуры и ее переходу в новое состояние.

Остановившись подробнее на категории социальной напряженности, стоит сказать, что Парсонс связывает ее не только с нарушением баланса сил в социальной системе, но также с некоторыми внутренними состояниями элементов системы, их ожиданиями, которые «распределяются вдоль основных осей надежды и страха, оптимизма и возбуждения ... Обязательно в таких ситуациях будут возникать фантазии и утопические идеалы будущего

состояния общества, идеализация прошлых состояний ... Эти мотивационные компоненты оказываются общими симптомами возмущения и институционализации социальных структур»⁶.

Стоит также отметить, что рассматривая целостную модель социального устройства, механизмы установления порядка и равновесия, Парсонс освещает конфликтные проявления коммуникации как хаос, патологию, аномалию. В то же время существует принципиально иной подход к оценке конфликтных форм коммуникаций, придающий им значение необходимых рычагов в модернизации, трансформации, развитии общества.

Так, Г.Зиммель, Л.Козер, Р.Дарендорф придерживались взгляда на конфликт как на позитивное явление. Автор теории позитивно-функционального конфликта Л.Козер считал, что обществу присуще фатально неизбежное социальное неравенство, вечная психологическая неудовлетворенность членов общества и проистекающая отсюда напряженность. В процессе взаимодействия члены группы, исходя из своей чувственно-эмоциональной, психической расстроенности взаимно разряжают напряженность в своих столкновениях⁷.

Вся суть коммуникации, по Козеру, - это напряженность между тем, что есть, и тем, что должно быть в соответствии с представлениями и ожиданиями членов коммуникации. Именно такая напряженность обеспечивает непрерывность процесса коммуникации: борьба за ценности и претензии на некий статус, власть, ресурсы составляет основу политической коммуникации.

Также Козер дает оригинальное прочтение принципа стабильности системы Т.Парсонса и теории структурного функционализма вообще. По мнению автора, чем больше конфликтных взаимодействий, тем больше

⁶ Цит. по: Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования). Под ред. д. филос. н. Е.И. Степанова. М., Эдиториал УРСС, 2000. С. 23.

⁷ Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2002. С. 70.

социальных групп в них задействованы и тем стабильнее вся система общественных отношений⁸. Иными словами, позитивная роль конфликта в поддержании общественного порядка обусловлена невозможностью создания однородного оппозиционного лагеря.

Более широкий взгляд на понятие коммуникации нам предлагает Юрген Хабермас. В мировой гуманитарной науке Хабермас известен как представитель Франкфуртской школы и основатель нормативистского подхода к коммуникации. В его трактовке коммуникация представлена в рамках процессуально-созидательной концепции: это деятельность форма общения, служащая выработке новых идей, в том числе таких, которые способствуют интеграции всего общества. Среди них Хабермас выделяет установление общественной гармонии (нового исторического консенсуса), а также рассматривает пути и средства достижения такого порядка.

Стоит отметить идею социальной эволюции Хабермаса, которая является первым шагом к синтезу множества социальных теорий, ставших в итоге собственной авторской концепцией, известной как теория коммуникативного действия. Несмотря на то, что теория была создана во второй половине XX века, она сохраняет свою актуальность и сегодня, в условиях возрастающей конфликтности и атмосферы отчуждения людей в глобализированном мире.

Коммуникативное действие обусловлено тем, что любому субъекту коммуникации необходимо самому искать и применять рациональные доводы, способные изменить мнение оппонента, другого индивида, склонив его к консенсусу. Хабермас видит задачу современной науки в том, чтобы найти и обозначить такие коммуникативные элементы в деятельности человека, а также способствовать воцарению согласия во всем обществе. Стоит отметить, что теория Хабермаса в частности ставит своей целью разработку универсальной программы коммуникативных действий, а вместе

⁸ Там же. С. 187.

с тем и карты действий для предупреждения, диагностики и *лечения патологии в сфере общественной коммуникации, которую Хабермас понимает как формы систематически нарушаемой коммуникации.*

Все участники коммуникации желают достичь согласия в отношении признания важности их суждений, убеждений. А процессы их признания и не признания выдвигаются и реализуются в процессе дискурса⁹. Понятие дискурса коррелирует с коммуникативным действием и понимается как «приостановка чисто внешних принуждений к действию, новое обдумывание и аргументирование субъектами действий их мотивов, намерений, ожиданий, т.е. собственно притязаний»¹⁰. Иначе говоря, субъекты коммуникации выстраивают свои отношения с миром исходя из возможности коммуникации, а также их (не)способности найти консенсус с другими субъектами. Сама коммуникация представляет собой процесс сопоставления представлений, притязаний, а также постижения правил и путей нахождения взаимопонимания. Этот процесс как правило протекает неосознанно, так как механизмы и правила носят скрытый характер и усваиваются индивидом в процессе начальной социализации. Способность к коммуникации Хабермас называет коммуникативной компетенцией, универсальный характер которой обусловлен общностью коммуникации¹¹.

В работе Хабермаса СМИ отдается важное место в жизни демократического общества, где общественные дебаты отличают равное участие каждого и полное невмешательство государства. Граждане коллективно, руководствуясь лишь рациональными доводами, решают, каким путем должно идти развитие общества, что определяет основные направления политики государства. Роль СМИ в данном процессе сводится к

⁹Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты)//Личность. Культура. Общество. 2003. № 1-2. С. 260.

¹⁰Бусова Н. А. Юрген Хабермас о становлении теории коммуникативного действия// Вопросы философии. 2006. №10. С. 162.

¹¹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. СПб., 2000. С. 136.

посредничеству между властью и обществом в коллективных решениях, моделированию пространства в дебатах, артикуляции и агрегации общественных интересов, формированию общественного мнения.

Все вышесказанное позволяет заключить, что Ю.Хабермас является сторонником делиберативной (совещательной) теории демократии, смысл которой – в приоритетном значении общественных дискуссий в принятии решений и постулате о том, что политическая система демократична настолько, насколько она открыта, в том числе в информационном и коммуникационном плане. Также стоит добавить, что перспективность совещательной политики напрямую связана с достижением согласия и консенсуса в обществе, преодолением конфликтности общества путем развития технических средств коммуникаций и развивающейся на этой основе глобализации.

Нельзя не упомянуть вклад в развитие коммуникативных теорий немецкого социолога Никласа Лумана. Луман - последователь постнеклассического подхода, основной характерной чертой которого является понимание общества как сети коммуникаций, в то время как коммуникации обладают двумя основными свойствами: самоописанием и самопроизводством. Ученый предлагает для описания этих свойств коммуникации авторские понятия и в своей концепции говорит о принципах самореферентности и аутопоэзиса. В теории Лумана коммуникация предстает аутопоэтической системой, т.е. самоорганизующейся средой. Коммуникационная система производит и воспроизводит себя в границах, создаваемых окружающим миром¹².

Таким образом, главный акцент внимания в работах Н.Лумана делается на понятии коммуникации, где она – «основа общества, причина и начало его образования, а *социальные системы образуются вообще исключительно*

¹² Луман Н. Общество общества. Часть I. Общество как социальная система. М., Логос, 2004. С. 54.

*благодаря коммуникации»*¹³. Под коммуникацией Луман понимает не передачу каких-либо информационных сообщений от коммуникатора к коммуниканту, а «некое исторически конкретно протекающее, зависимое от контекста событие»¹⁴.

Новаторский вклад Лумана состоит в том, что коммуникация понимается не через набор функций, а сама по себе, и основополагающей чертой ее является аутопоэзис (самопродолжение, саморазвитие). Далее теория автора развивается в том же ключе: сама коммуникация, ее свойства и характеристики определяются исключительно через сущностные черты, и главной особенностью коммуникации, всех актов, проистекающих в ней или производимых ею, является аутопоэзис. У Лумана коммуникация перестала быть обычным явлением, она стала обществом и наоборот¹⁵.

Достаточно большое значение в коммуникации вообще и политической жизни общества - в частности Луман придает общественному мнению. Согласно его теории, общественное мнение выступает отражением всех существующих в общественной системе коммуникаций. В силу того, что общество способно отвечать только на созданные в нем же коммуникации, любые конфликтные проявления, возникающие в среде, равно как и сама среда, предстают в формате общественного мнения. Демократизация общественного мнения, избавление его от руководящей роли политической сферы делает возможным создание высокоразвитой политической системы и представляется основой для воцарения реальной демократии. При этом власть у Лумана сводится к роли символического медиума (посредника, средства политики) в политической коммуникации, обеспечивающего непрерывность процессов передачи и принятия сообщений. Таким образом, сами властные отношения предстают в качестве коммуникативных

¹³ Там же. С. 92.

¹⁴ Там же. С. 96.

¹⁵ Назарчук А.В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М., 2012. С.130.

процессов, служащих установлению и поддержанию легитимности в целях предотвращения волнений и достижения консенсуса.

На рубеже XX и XXI века возникает новое видение сущности власти, а именно, широкое представление о власти как о коммуникации. Эти изменения сопровождались популяризацией футурологии, новой индустриальной революцией, стремительным развертыванием глобализации и утверждением эпохи постмодерна в культуре. На современном этапе научной мысли становится очевидным, что эффективное развитие общества сопряжено с развитием коммуникаций, а налаженная политическая коммуникация является залогом демократического порядка.

Однако нам видится наиболее удачным синтез нескольких подходов к определению природы и сущности власти. Во-первых, это классическое понимание («воля к власти»), во-вторых, коммуникативное (реляционистское) и, наконец, конфликтологическое (диалектическое).

Синтез теорий демонстрирует ряд современных исследователей, в частности, американский политолог Джозеф Най. В своей книге «Гибкая власть»¹⁶ он говорит о трансформации современного политического процесса, тенденции к усложнению коммуникаций и ряде демократических изменений и, как результат, о разделении власти на жесткую и гибкую формы. Согласно идее автора, «политическая игра в глобальную информационную эпоху предполагает, что относительная важность гибкой власти возрастет»¹⁷. Гибкая власть обеспечивается разнообразием коммуникативных потоков, диктующих «повестку дня». При этом, жесткая и гибкая власти взаимозависимы: они сосуществуют в тесном симбиозе, но при этом конкурируют друг с другом. Гибкая власть (soft power) позволяет субъекту политики получить желаемое посредством мотивации и творческое привлечения ресурсов, избегая подавление и силовые методы. Также она

¹⁶ См.: Най Дж. С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск, 2006. С. 38.

¹⁷ Там же. С. 62.

характеризуется «нематериальностью, информативностью, подвижностью власти, которая «гибко» маневрирует и приспосабливается к быстрым трансформациям в обществе»¹⁸. Най утверждает, что «большая часть американской гибкой власти является результатом деятельности Голливуда, Гарварда, Майкрософта и Майкла Джордана»¹⁹.

Существование гибкой власти обеспечивается объединением таких аспектов, как демократическая культура и ценности, публичная дипломатия, развитое гражданское общество – не только создание институтов и принципов, декларативное существование, но также практическое соблюдение и следование им. Это создает благоприятные условия для диалога власти и общества, общественного согласия, сознательного выбора граждан подчиняться.

Интересен взгляд исследователя Б. де Жувенеля, который считает, что «власть может быть основана только силой и поддержана только привычкой, но возрастая она может не иначе как при посредстве доверия, которое логически не бесполезно для ее создания и обеспечения и в большинстве случаев исторически им не чуждо»²⁰. Можно заключить, что для возникновения власти естественен силовой импульс, тогда как для поддержания власти необходимо согласие, доверие, которое является результатом грамотно выстроенной коммуникации.

В этом же ключе рассуждает доктор права мексиканского происхождения Диего Валадес. Обращаясь в своей работе к проблемам контроля над властью, он отмечает значительную роль средств коммуникации в осуществлении контрольных функций средствами коммуникаций, называя их «неформальным элементом политического контроля»²¹. В продолжение

¹⁸ Там же. С. 69.

¹⁹ Цит. по: Власть как политическая коммуникация (материалы методологического семинара. Москва. 19 мая 2009 года). М., 2010. С.17.

²⁰ Б. де Жувенель. Власть. Естественная история ее возрастания. М., 2011. С. 52.

²¹ Диего Валадес. Контроль над властью. М., 2006. С. 112.

своих рассуждений, автор признает непосредственную связь между развитостью систем коммуникации и общественным порядком как следствием эффективного контроля: «Все указывает на то, что там, где средства коммуникации обладают наибольшей свободой, институциональный контроль осуществляется лучше всего»²². В то же время, Валадес говорит о возникновении опасности для власти в использовании коммуникаций в целях создания ложного «образа» порядка, злоупотребления силой коммуникативного воздействия. Решение данной проблемы автор видит в поддержании равновесия между СМИ и общественным мнением и властными структурами, т.е. в равноправном участии как власти, так и общества в процессах коммуникации.

Важно понимать, что политическая коммуникация неразрывно связана с умозрительными категориями, ценностной и символической сферой и представляет собой не только обмен политической информацией, но и создание и воспроизведение в этой связи определенных представлений, идей, настроений, установок. Такой подход к характеристике коммуникации приводит нас к концепции символического осмысления последней.

Символ как универсальная единица коммуникации представляет огромное значение для исследователей именно политической сферы. Как правило, символы несут в себе не буквальный смысл, но выражают, обозначают, олицетворяют собой определенное явление, действие, заменяя тем самым реальность на условность. Благодаря символу становится возможным передача от одного участника коммуникации другому некоего совокупного смысла, причем зачастую глубокого и далекого, недоступного непосредственному восприятию. Некоторые символы выражают абстрактные идеи, не существующие в материальном мире, такие, как *свобода, солидарность, национальная память и идентичность, агрессивность,*

²² Там же.

согласие, определенные намерения, эмоциональные переживания, мысли и чувства. Собственно говоря, эти и подобные явления существуют в основном в "мире символов", благодаря символам или, точнее, благодаря абстрактному, символическому мышлению человека. Понятно, что большинство категорий власти, категорий политической сферы также носит символический характер.

В связи с этим стоит хотя бы в первом приближении взглянуть на символическую трактовку власти, значительный вклад в утверждение которой внес П. Бурдьё. Бурдьё понимает политическую коммуникацию как непреходящий элемент символического пространства, наделенного системой социальных смыслов. Символическое действие, совершаемое в процессе взаимодействия власти и общества, тождественно политической коммуникации и направлено прежде всего на достижение легитимного согласия за счет применения общепринятых ценностных ориентиров и правил.

Стоит отметить, что взаимодействие власти и общества рассматривалось Бурдьё как акт символического насилия. Помимо легитимного физического насилия, которое справедливо обозначил М. Вебер, государство, продолжает Бурдьё, обладает правом на насилие символическое, осуществляемое в рамках формирования и культивирования определенных моделей поведения (устойчивых схем и моделей восприятия, мышления, оценивания).

В процессе достижения уже упомянутого легитимного согласия со стороны граждан, выявляются основные принципы, на которых строится с одной стороны – критика, а с другой стороны - одобрение. Л. Болтански утверждает, что категории «справедливость», «правда» обнаруживаются в результате конфликтного взаимодействия. В данной связи не будет преувеличением сказать, что политическая коммуникация, а точнее, взаимодействие власти и общества во многом сводится к изучению их конфликтных проявлений.

Подводя некий итог проведенному в данном разделе анализу, стоит сказать, что коммуникативное осмысление власти, попытки оценить масштаб влияния коммуникаций на политическую сферу привели к становлению коммуникативных теорий одной из основ изучения политики. Говоря о политических коммуникациях невозможно не говорить о неких конфликтных формах взаимодействия. Современные исследователи, продолжая классиков политической мысли, сходятся во мнении, что конфликт как особая форма коммуникаций неизбежен и неминуем в демократическом политическом процессе и свидетельствует о наличии здорового политического плюрализма.

В данной работе нам бы хотелось не только рассмотреть коммуникативное осмысление власти как проявления противоречий и конфликта, но также вскрыть проблематику такого конфликтного взаимодействия в современном политическом пространстве. Безусловно, отдельный интерес в данном случае представляет рассмотрение основ взаимодействия власти и общества и конфликтного потенциала демократического общества.

1.2 ДЕМОКРАТИЯ КАК ТЕРРИТОРИЯ КОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Абсолютно понятно, что развитие коммуникации сопряжено с развитием гражданского общества и ростом гражданской ответственности, что и создает условия для учреждения реальной демократии. Такая либеральная модель соответствует духу времени, когда весь мир ориентируется на демократические параметры жизни. В условиях российских реалий обнаруживается проблема стабильности системы, которая как никогда актуальна. Множество потрясений на рубеже веков, периоды стагнации, сменяемые шокowymi реформами, и как следствие – высокий уровень напряженности вкуже со всё растущей апатией граждан.

Нам близка позиция сторонников либеральной модели политического конфликта, признающих групповые конфликты необходимым элементом коммуникации в демократическом мире. По образному выражению американского исследователя С.Липсета, «политический конфликт является животрепещущим соком демократии»²³.

Прокатившаяся по миру в конце 1980-х гг. «демократическая эйфория» прочно укрепила общемировые «стандарты качества» политических режимов. В то же время Ф.Фукуяма представил свою известную теорию «конца истории», определяя безальтернативность либерально-демократических ценностей. Тем не менее, необходимо разделять демократию как идею и реальное воплощение демократии, идеологическое движение и институционализацию. В отношении последней можно выделить, кроме всего прочего, форму и принцип организации взаимодействия власти в лице ее органов и политических партий и общественных объединений и гражданского общества вообще.

Справедливо обозначить возникновений некоторых угроз повсеместного распространения демократических принципов на зачастую непригодную, неподготовленную почву. Примером неудачного эксперимента и затухания волны демократизации могут служить и события в Москве осенью 1993 г., и перепады демократизации в Центральной и Восточной Европе, и отлив демократической волны в странах «третьего мира», и рост национализма, социальной напряженности, и акты терроризма на «передовой» западной либеральной демократии. В этой связи немецкие исследователи В. Меркель и А. Круассан говорили о том, что эти события скорее могут стать «не триумфом политического либерализма, а историей успеха «дефектного» варианта нелиберальной демократии. Под дефектностью понимается прежде всего отсутствие прочных гарантий базовых политических и гражданских прав и свобод, а также серьезная

²³ Цит. по: Политическая конфликтология / Коваленко Б.В., Пирогов А.И. М., 2002. С. 58.

ограниченность горизонтального властного контроля и эффективной демократически легитимной власти»²⁴.

Таким образом, победа и общее признание демократических норм не стали залогом единообразного развития мира под знаменем демократии, а, напротив, родили новые противоречия и угрозы.

В рамках нашей темы стоит сказать о том, что в западной мысли проблема выбора сценария развития – демократического или авторитарного – выразилась в противостоянии двух лагерей – либералов и консерваторов. В самом общем плане эти теоретические споры выявляли две диаметрально противоположные тенденции развития общества и государства и выводили на первый план вопросы установления и поддержания порядка (стабильности) и изменчивости. Для представителей либерального крыла (Р.Даль, Г.Алмонд, Л.Пай) определяющим концептом развития являются степень вовлеченности масс в работу представительских органов и систему демократии вообще, а также открытая свободная конкуренция. Консерваторы (С.Хантингтон, Дж.Нельсон, Х.Линц) рассматривают развитие через призму конфликта между мобилизованными и вовлеченными в политическую жизнь массами и наличием и работоспособностью необходимых структур и механизмов артикулирования и агрегирования их интересов. В то же время, согласно консервативному представлению, неграмотность и неумение масс использовать институты власти приводит к безрезультатности их участия в политике и даже дестабилизации общественного порядка²⁵.

В связи с этим встает вопрос об управляемости и репрезентативности, их соотношении и условиях воспроизводства, с которым приходится сталкиваться каждый раз, когда мы говорим о некоем оптимальном и наилучшем политическом режиме. Достижение порядка и равновесия в общественной и политической жизни (стабильность) является закономерным

²⁴ Цит. по: Демократия: конфликтность и толерантность / Под ред. В. С. Рахманина. Воронеж, 2002. С. 148.

²⁵ См.: Мельвиль А.Ю. Категории политической науки. М., 2002. С. 382-384.

результатом разрешения (урегулирования) различных конфликтов в том случае, если они разрешаются демократическим путем и сопровождаются расширением спектра гражданских прав и свобод и создают более благоприятные условия для жизни общества в целом. То есть стабильность, основанная на минимизации деструктивных проявлений взаимодействия и сокращении конфликтных ситуаций несомненно приведет к желаемому порядку. Стабильность же, вытекающая из одностороннего силового принуждения ведет к регрессии, не допуская никаких форм обратной связи и несогласия и обращая общество в стагнацию. Не будет преувеличением, проведя проекции такого понимания порядка на формы политического режима, сказать, что первая, прогрессивная стабильность соответствует демократическому режиму, а вторая, регрессивная – тоталитарному.

Перенося данные соображения на российскую действительность, можно согласиться с мнением Л.И. Никовской²⁶, что политическая система сегодняшней России отличается низкой эффективностью в достижении политической стабильности и социально-экономического развития. Именно поэтому «становятся столь актуальными идеи консолидации и единства, исключая конкурентность и равноправие социальных интересов в публичной сфере и скрывающих, по сути, основное противоречие российского общества – между крепнущей тенденцией к монополизации власти и плюрализмом тех многочисленных интересов, которые были «разбужены» процессами демократизации в России».

В противовес попыткам привития демократического строя, в частности в России, западная демократия отлажено существует с опорой на принципы групповой самоидентификации; умеренное, контролируемое вмешательство со стороны государства, принцип равенства. Именно такие черты придали

²⁶ Никовская Л.И. Разнообразие и сложность вызовов для взаимодействия власти и гражданского общества в контексте задач модернизации: место, роль и культура конфликта // Культура конфликта во взаимодействии гражданского общества и власти. М, 2012. С. 86-88.

западной демократии необходимую прочность и стабильность. Соблюдение, а не только декларативное существование прав и свобод, отлаженный механизм межгрупповой и межотраслевой коммуникации, свободные СМИ, система сдержек и противовесов во всех ветвях власти, прозрачные и действенные выборы – именно об этом идет речь при сравнении демократических и недемократических обществ. Подобная демократическая риторика может породить заблуждение о бесконфликтности, гладкости протекания демократического процесса и политической коммуникации в нем. Однако это не так. Конечно, либеральная корректность и политическая толерантность, диктуемые демократическими правилами игры, ведут к применению мягких мер в осуществлении политики в целях сгладить противоречия в обществе и минимизировать конфликтность.

Вместе с тем, ввиду открытости политической системы, политического плюрализма демократия представляется самым благоприятным для конфликта режимом. Именно в демократии конфликт имеет механизмы легализации (есть возможность проявления конфликтных форм коммуникации в рамках закона), канализации (направления в заранее предусмотренное русло) и институционализации (нормативной регламентации)²⁷. Развитая социальная стратификация, разнообразие интересов и притязаний, а также эффективные работающие механизмы для их представления открывают широкие возможности для конфликтной коммуникации. При этом такая коммуникация основывается на принципах урегулирования, а не подавления конфликтных настроений и социальной напряженности, а также подпитывается общественным консенсусом и признанием большинством демократических ценностей и прав и свобод каждого. Также смягчению конфликтности способствует и то, что каждый индивид или личность имеет множество разносторонних интересов и потому может относиться одновременно к многим актуальным (реальным,

²⁷ Демократия: конфликтность и толерантность / Под ред. В. С. Рахманина. Воронеж, 2002. С. 203.

осознаваемым) и потенциальным (возможным) группам интересов. Это рождает лояльность и толерантность, предотвращая формирование одного оппозиционного лагеря, политической группировки, фундаментального конфликта. Распыление и текучесть конфликтов предупреждают глубокие противоречия и дезинтеграцию, способствуют стабильности общества.

Важно отметить, что мы не пытаемся идеализировать или проповедовать демократию, но нельзя не признать, что в отношении коммуникации и признания ее конфликтных проявлений именно демократический режим осуществляет наиболее соответствующий времени механизм взаимодействия власти и общества. На наш взгляд, политический конфликт оправданно может считаться необходимым элементом коммуникации и политического участия граждан, а также свидетельствует о здоровых отношениях и наличии равноправных позиций государства и гражданского общества.

В этой связи рождается и основная особенность демократии. Будучи институционализированным соревнованием за власть и ресурсы с опорой на либеральные ценности, демократия не может существовать вне конфликта. Даже более того, конфликт имманентен ее природе и неотделим от демократического процесса. В силу того, что демократия стремится к балансу разносторонних, противоречивых интересов и ценностей, в которые потенциально заложен конфликт, она не может существовать без консенсуса и общественного согласия. Все это, в свою очередь, возможно только при условии, что все общество, составляющие его социальные слои и выражающие их волю политические и общественные организации готовы к компромиссу по основным базовым целям и ценностям. Тем самым демократия как бы обуславливает сама себя, вскрывая противоречие между конфликтом и консенсусом.

В это же время конфликтность демократического общества кроет в себе опасность перерасти в так называемую «митинговую демократию». Необходимость уравновешивать принцип представительства с сохранением

управляемости обществом может повлечь за собой ослабление власти, лишить правительство прерогативы удержания рычагов управления и сделать саму политическую ситуацию нестабильной и даже неподконтрольной. Речь идет о том, что политический компромисс несет в себе определенные уступки интересам другой стороны. Это можно проиллюстрировать нередкой для западных демократий ситуацией, когда парламент не мог сформировать единое проправительственное большинство, результатом чего становилось «раздробленное» коалиционное правительство, не отличающееся высокой устойчивостью и эффективностью.

Парадоксально, но даже само выделение демократического режима кроет в себе конфликтный потенциал. В символическом аспекте существование в мире демократии по принципу «зеркального образа» выделяет и «не-демократии» как противопоставление и антипод либеральной модели. При этом, что характерно, недемократические страны оказываются синонимичны «неразвитым», «отсталым», что также говорит о наличии потенциально конфликтного взаимодействия, схожему с моделью «мы-они» и позволяющему отделить себя от «внешнего, варварского мира». Также такое противопоставление несомненно несет в себе оценочную характеристику, т.к. развитые демократии оказываются «положительными», а страны третьего мира, далекие от западных либеральных режимов, «отрицательными». Такое однобокое деление мира способствует созданию атмосферы взаимного отрицания, где, с одной стороны «отсталый неуправляемый режим во главе с диктатором, опирающимся на силовые военные методы и нарушающим все права и свободы граждан», с другой же стороны оказывается «одномерный, примитивно развитый индивид с нетворческим мышлением, неспособный справляться с вызовами времени и кризисными ситуациями, полагающийся на технические достижения и писанный закон». Не будем вдаваться в дальнейшие рассуждения о таком агрессивном взаимодействии на мировой арене и экспорте демократии в развивающиеся страны. Подводя небольшой промежуточный итог, можно сказать, что суждение о том, что принцип

демократического мира «Демократии не воюют против демократий» претерпел трансформацию в нечто иное, сродни «Демократии воюют против не-демократий» не лишено рационального зерна и эвристической ценности.

Конфликтный характер коммуникации в демократических режимах проявляется не только в прямой, непосредственной коммуникации, но и в информационном аспекте. Прежде всего стоит отметить, что стабильность информационной системы, уровень ее безопасности напрямую связан с типом политической системы страны, особенностями политического режима. Понятно, что в тоталитарных режимах информационная система характеризуется довольно высокой закрытостью, что естественно сказывается на весьма ограниченном спектре коммуникационных форм взаимодействия власти и общества. Здесь можно упомянуть такие негативные факторы, как недоступность альтернативных источников информации, однообразные новости (дефицит плюрализма мнений), идеологизированность информационного поля и проч. Другая сторона такого закрытого типа информационной системы выражается в высоком уровне ее защищенности, безопасности. Причем это является не результатом антилиберальной идеологии, а скорее прямым следствием функционирования закрытых систем, которые «испытывают минимальное воздействие извне, соответственно, подвержены меньшему (минимальному) риску быть атакованными в результате проникновения дестабилизирующих внешних факторов. Как это ни парадоксально, но демократические формы правления нацелены на максимальную открытость информационной системы, на разнообразие и альтернативность источников информации и предлагаемых ими сведений»²⁸.

Следовательно, демократический принцип плюрализма мнений, свободы слова и самовыражения, столь трепетно хранимые в либеральных странах, несут в себе непосредственную угрозу для стабильности режима.

²⁸ Атанесян А. В. Актуальные проблемы современных политических и конфликтных коммуникаций. Ереван, 2008. С. 111.

Здесь важно отметить, что информационная безопасность подразумевает под собой не только защищенность информационной системы от внешних угроз и атак (к примеру, кибертерроризм, хакерские атаки на закрытые базы данных), но и внутреннюю стабильность и безопасность информационных функций государства. Для понимания факторов безопасности и стабильности информационной системы в данном ключе больше всего подходит данное определение: «Информационно-психологическая безопасность системы социально-политических отношений современного информационного общества - такое состояние системы информационно-психологических отношений, в котором система способна успешно, устойчиво и непрерывно развиваться в условиях интенсивного воздействия внешних и внутренних факторов, оказывающих на систему как стабилизирующее, так и деструктивное информационно-психологическое воздействие.

С точки зрения социальной конфликтологии, информационно-психологическая безопасность системы социально-политических отношений современного информационного общества - такое состояние системы информационно-психологических отношений, в котором она способна успешно, устойчиво и непрерывно развиваться в условиях внешних и внутренних информационно-психологических конфликтов, носящих как стабилизирующий ("сигнальный"), так и деструктивный характер»²⁹.

Таким образом, открытая информационная система демократического общества предрасположена к возникновению конфликтов, которые могут послужить во благо всей системе и быть своеобразным индикатором напряженности, которую необходимо урегулировать. В то же время, конфликтная коммуникация в информационной сфере способна нарушить целостность и стабильность информационной сферы, вызвать сбой в ее функционировании и привести к изменению системы. В обоих сценариях

²⁹ Петренко А. И. Актуальные вопросы обеспечения информационно-психологической безопасности системы социально-политических отношений современного информационного общества // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ, 2004. № 11. С. 53.

ясно прослеживается один принцип: конфликт необходим для самопроизводства системы, ее развития и успешного функционирования с учетом всех возникающих в обществе волнений.

Для успешного и эффективного существования демократического режима необходима широко развитая система коммуникаций, состоящая из многослойного комплекса систем безопасности и процедур, предупреждающих, удерживающих и урегулирующих все конфликтные столкновения в информационной сфере³⁰.

Многочисленные угрозы, вытекающие из открытости информационной системы, вынуждают применять новейшие технологии и механизмы по их предотвращению, что в некотором роде блокирует многие каналы коммуникации, отнесенные к «опасным». Таким образом, суждения об информационной открытости/закрытости системы могут быть относительно верны, так же как относительно само деление государств на демократические и тоталитарные. Тем не менее, тот факт, что открытость информационной системы, подразумевающая многообразие форм и каналов коммуникации, поддерживается развитой системой коммуникаций, предотвращающих опасные для стабильности системы проявления, представляется нам закономерным.

Говоря о политической коммуникации как необходимом условии становления демократии в России, стоит сказать, что, конечно, создание условий и попытки перехода к демократическим институтам и процедурам в конце 1980-х – начале 1990-х гг. не гарантировали воцарения общественного порядка, атмосферы согласия и толерантности. Как мы уже отмечали, сама по себе демократия является имманентно конфликтогенной. Как отмечает автор монографии, посвященной проблемам демократии, «по своей природе демократия предполагает открытое и гласное столкновение людей и

³⁰Например, о государственных программах по защите стратегических информационных систем США под названием "Defence in Depth" ("глубокая оборона") См.: Гриняев С. О ходе реализации плана защиты информационных систем США. // Зарубежное военное обозрение, 2001. С. 7-11.

социальных групп, отстаивающих свои интересы и мнения. Следовательно, утверждение демократии вовсе не приведет к полной ликвидации разнообразных социальных и политических конфликтов, а в лучшем случае лишь к формированию механизмов их минимизации и цивилизованного регулирования»³¹. Можно предположить, что продолжение развития нашего государства в духе демократизации способно преодолеть ставшую традиционной форму конфликтных отношений – борьбу и протест. На наш взгляд, необходимо воспитывать и культивировать демократические процедуры, ценности, идеалы уже только ради того, чтобы способствовать установлению принципиально иной формы противоречия конфликта и стабильности, формы цивилизованной, публичной, закреплённой в российской политической системе в форме института. Без воспитания культуры конфликта как нормальной и способствующей развитию отношений власти и общества формы российская действительность будет продолжать воспроизводить дисфункции установившегося политического порядка и управления и провоцировать все нарастающую напряженность в российском обществе.

Вместе с развитием политической культуры конфликта нельзя не отметить необходимое изменение типа политической культуры России. Как известно, на протяжении очень долгого периода истории в России устанавливался и закреплялся именно подданныческий тип, для которого характерны односторонняя коммуникация, прямая зависимость личности от государства. Понятно, что такой тип культуры способствует замыканию властных структур и концентрации всех управленческих и контрольных функций в руках государства. Однако терпимость общества к злоупотреблениям государственных органов и уполномоченных лиц имеет естественные границы, и такое положение дел неминуемо приводит к выплеску недовольства, причем в крайних его формах, перерастая в «русский

³¹ Демократия: конфликтность и толерантность / Под ред. В. С. Рахманина. Воронеж, 2002. С. 180.

бунт». Отсутствие эффективных механизмов артикулирования и агрегирования интересов, а также предупреждения и регулирования конфликтных форм коммуникации превращают взаимоотношения власти и общества в перманентно напряженный, масштабный, неуправляемый процесс.

Можно сказать, что вследствие упрощенного, искаженного понимания демократии, а также благодаря усилиям политтехнологов в России создается некая имитационная модель демократии, с присущей ей российской же спецификой. Наложение декоративных элементов либеральных форм коммуникации на застывший массив российской политической культуры и составляет нашу «ограниченную демократию». Преодоление ее – во всестороннем участии каждого в создании подлинного суверенитета и гражданского общества.

Перевод российской политики на демократические рельсы не означает успокоение и затишья. Как уже отмечалось, и для демократии свойственны многие конфликтные формы коммуникации. Однако сам конфликтно-психологический фон в России и на либеральном западе крайне различается. Важно понимать, что одно только культивирование демократических норм и институтов, образование молодежи, масс и политической элиты не решает проблем модернизации и демократизации. Более того, нет и не может быть идеальных, абсолютных демократий, но «иммунной системой ее являются социокультурные генотипы конкуренции и консенсуса, конфликтности и толерантности, справедливости и свободы. Перманентная проблема демократии — взаимодействие власти и оппозиции, государства и общества, личности и социальной среды. Культура этого взаимодействия и предопределяет его исход и социальные последствия»³².

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, стоит сказать, что современные демократические режимы имеют высокую культуру конфликта,

³² Демократия: конфликтность и толерантность / Под ред. В. С. Рахманина. Воронеж, 2002. С. 173.

который в свою очередь занимает одну из ведущих позиций в процессе властной коммуникации и способствует развитию социальной системы. Также стало понятным, что исследование российской политики в коммуникативном разрезе обнаруживает проблему конфликтного взаимодействия как части коммуникации, воспринимаемой исключительно в негативном, деструктивном ключе. Модели единства и консолидации сил, насаждаемые сверху и блокирующие нормальные в либеральном понимании конфликтные формы взаимодействия власти и общества, искажают и тормозят развитие демократического гражданского общества.

В связи с этим, во второй главе данной работы хотелось бы рассмотреть политическую коммуникацию в России, модели взаимодействия власти и гражданского общества, в частности, конфликтные формы взаимодействия субъектов политики с целью выявить и проанализировать их специфику.

ГЛАВА 2. КОНФЛИКТНО-КОММУНИКАЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2.1 МОДЕЛИ КОММУНИКАЦИИ КАК ВЫРАЖЕНИЕ КОНФЛИКТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ОТНОШЕНИЙ

Тема становления и развития гражданского общества в России находит достаточно широкое освещение как со стороны властных структур, так и со стороны научно-исследовательского сообщества. Если в нормативно-правовой и правительственной сфере ставятся вопросы об актуализации и проблемах развития гражданского общества, то большинство научных работ затрагивают в первую очередь разновидности взаимоотношений между властью и гражданским обществом. На наш взгляд, именно анализ представлений и моделей коммуникации, сложившиеся в литературе, дают наиболее ясную картину сегодняшней российской реальности. Стоит сразу же отметить, что в большинстве работ современных российских исследователей взаимодействие власти и общества тесно переплетено с коммуникацией между государственными структурами и некоммерческими организациями (НКО), как основным элементом гражданского общества. Потому в предложенных моделях подразумевается, что гражданское общество – это НКО, а власть – это государство и его структуры. Рассмотрение данных моделей в последующем позволит выявить основные закономерности сосуществования власти и общества, проблемы, возникающие в этой связи.

Так, в работе В.Н. Якимца выделяются такие три составляющих взаимодействия гражданского общества и государственной власти³³:

1. Квazисоветские – традиционно сложившиеся в советский период способы взаимоотношений граждан и власти, перенесенные в

³³ В.Н.Якимец. Основы, принципы и механизмы межсекторного социального партнерства в России. Автореф. дисс. доктора социологических наук. СПб, 2002.

современность после определенного ретуширования, но не претерпевшие сущностных изменений.

2. Инновационные – новые или крайне редко применявшиеся в доперестроечный период методы сотрудничества, появление которых стало возможным в связи с изменением государственного устройства и доминирующего типа экономических отношений.

3. Мутантные – взаимодействия, объединившие в себе особенности первых двух видов, при этом в основе лежит некий квазисоветский вариант сотрудничества, обладающий при этом внешними свойствами, характерными для инновационных методов.

Инновационные связи могут включать в себя также несколько подвидов³⁴. Это конкурсные (социального заказа, социального гранта, тендера, конкурса социальных проектов, конкурсов гражданских инициатив, конкурса некоммерческих организаций), социально-технологические (хосписы, приемные семьи, гражданские действия по защите окружающей среды, новые подходы психологической реабилитации и т.д), организационно-структурные (создание общественных советов и инфраструктурных некоммерческих организаций) , процедурные (специальные соглашения, различного рода общественные палаты, комитеты, форумы граждан, круглые столы, координационные советы, палаты социального бизнеса, общественные слушания и т.д.), экспертные (мониторинг социально-экономического развития, экспертная оценка того или иного закона и т.д), коммуникационно-информационные, а также комплексные или комбинированные механизмы взаимодействия.

Наиболее интересной в рамках нашей темы представляется модель коммуникационно-информационная, которая подразумевает под собой некоторое сотрудничество власти и общества на основе обмена

³⁴ См.: Ловкова А.А. Взаимодействие органов местного самоуправления, общественных организаций и бизнеса как форма социального партнерства : дис. ... канд. соц. наук. — Саратов, 2009.

нематериальными ресурсами с каждой стороны. Здесь речь идет о проведении общественных публичных дискуссий по проблемным вопросам, при вовлечении современных средств коммуникации, а также такие виды взаимодействия, которые обеспечивают обе стороны актуальной и правдивой информацией друг о друге. «Сущностью данных механизмов является обеспечение наилучшего взаимопонимания между участниками взаимодействия, принятие для каждой ситуации решений, выбора, наиболее адекватного состоянию дел³⁵».

Комплексная, или комбинированная, модель взаимодействия включает в себе комбинацию из, как минимум, двух перечисленных выше механизмов. Вообще же, как нам представляется, предложенные модели требуют уже установленного контакта между властью и обществом, т.е. они являются скорее моделями сотрудничества, неконфликтной коммуникации. Стоит отметить только, что все они основываются на взаимных уступках интересам другой стороны, что и подразумевает под собой принцип консенсуса, столь необходимого для нормальной коммуникации.

Л.И. Якобсон в соавторстве с другими исследователями рассматривает формы сотрудничества органов власти и местного самоуправления с обществом, и в частности, с НКО:

- взаимное информирование и координация деятельности;
- участие НКО в реализации государственных и муниципальных программ;
- стимулирование государством развития деятельности НКО.

Сразу стоит отметить, что предложенные формы возможны лишь в условиях уже установленного диалога между НКО и властью и определенной степенью заинтересованности последней в развитии и усилении структур

³⁵ Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России / под общ. ред. А.С. Автономова. — М., 2003. С. 253.

гражданского общества. В российских реалиях это представляется пока лишь идеальной моделью, к которой необходимо стремиться.

Формулированию моделей взаимодействия власти и общества посвящены работы Е.В. Белокуровой. В соавторстве с исследователями из Европейского университета в Санкт-Петербурге³⁶, она применяет разработанные в западной политологии плюралистическую и корпоратистскую модели для объяснения возникновения и развития гражданских структур в России и форм их взаимодействия с властью. Российская история долгое время предлагала лишь корпоратистскую модель взаимоотношений государства и общества, и за неимением иного опыта, политические акторы и сейчас стремятся к созданию корпоратистских структур для связи с новыми элементами гражданского общества.

В связи с этим, предлагается два типа реализации связи государства и общества: государственно-корпоратистскую и либерально-корпоратистскую. Первая носит более консервативный и традиционный характер, воспроизводящий старые модели взаимодействия, а вторая, очевидно, подразумевает создание новых структур взаимодействия, или, по крайней мере, адаптация и реструктуризация прежних моделей в новых условиях.

Санкт-Петербургский гуманитарно-политологический центр «СТРАТЕГИЯ» провел исследование по пяти регионам Северо-Запада России³⁷, в ходе которого были сформулированы другие три модели «Власть – НКО»:

1. Нормативная модель, вытекающая из либеральной концепции, согласно которой НКО являются важным посредником между частными и общественными интересами.

³⁶ Е.В.Белокурова. Государство и благотворительные организации: трансформация моделей взаимодействия (на примере Германии и России). Автореферат дисс. канд. полит. н. М., 2000.

³⁷Н.Яргомская, Е.Белокурова, М.Ноженко, Д.Торхов. Почему НКО и власти нужны друг другу. Модели взаимодействия в регионах Северо-запада. // Публичная политика: вопросы мягкой безопасности в Балтийском регионе/ под ред. М.Б. Горного. СПб, 2004. С. 108.

2. Легитимационная модель, основанный на системном подходе Д. Истона, который продолжили Г.Алмонд и С.Верба. В рамках этой модели НКО, находясь на «входе» политической системы осуществляют важную функцию артикуляции и агрегации интересов.

3. Инструментальная модель, согласно которой НКО служат эффективным инструментом решения социальных проблем и снятия социального напряжения.

А.Ю. Сунгуров, разделяя формы взаимодействия на сотрудничество (партнерство), нейтралитет (отсутствие сотрудничества, игнорирование) и конфронтацию, более детально рассматривает взаимодействие власти и общества и предлагает ряд сценариев внутри каждого типа отношений³⁸.

А. Партнерское взаимодействие

1. Модель поддержки развития НКО, или «модель садовника». Органы всех уровней государственной власти протраивают политику, способствующую становлению и развитию независимых общественных организаций как основы зарождающегося гражданского общества, а также целенаправленно поддерживают развитие самого гражданского общества.

2. Партнерская модель, при которой государственная власть не пытается контролировать общественные организации и приветствует диалог с НКО, в виде различных «гражданских площадок» и иных способов переговоров. Важным моментом в осуществлении такой модели является также принятие властью необходимости общественного контроля как условия демократичности, готовность принять результаты такого контроля и допустить корректировку своей политики.

3. «Модель архитектора». Существует сфера публичной политики, где структуры гражданского общества предлагают повестку дня, а также

³⁸ Сунгуров А.Ю. Модели взаимодействия органов государственной власти и структур гражданского общества: российский опыт. // // Модернизация экономики и глобализация. М., 2009. С. 500-508.

решения значимых социальных проблем, в полном объеме принимают участие в принятии и осуществлении политико-управленческих решений.

Б. Взаимодействие, основное на доминировании власти.

4. Патерналистская модель. Государство допускает определенную самостоятельность неправительственных организаций при условии, что они не вмешиваются в политику государства, а также обеспечивают поддержку существующей власти, к примеру, на выборах. В обмен на политическую лояльность структуры гражданского общества получают своего рода поддержку в виде «предоставления бесплатных помещений или льготной аренды, путем прямого финансирования, оказание преференций при распределении грантов и иными способами»³⁹.

5. Модель «Приводных ремней». Эту модель представляет Советский Союз 1930х-1970-х годов, когда партийно-государственный аппарат понимал общественные организации не иначе как каналы связи от партийного руководства к рядовым жителям страны, при этом ни о какой автономности в этом речь не идет. «Общественные» организации играли отведенную им роль винтиков, точнее, приводных ремней в абсолютно контролируемой политической системе страны

В. Отсутствие взаимодействия (игнорирование)

6. Государство не обращает внимания (игнорирует) НКО и никак не вмешивается в их деятельность. При такой модели НКО существуют за счет негосударственных источников финансирования, а власть сосредотачивает внимание на определенных экономических и социальных проблемах, без содействия гражданского общества.

Г. Конфронтация

³⁹ Сунгуров А.Ю. Указ. соч. С.506.

7. Модель «Борьбы с противником». Государство рассматривает структуры гражданского общества как угрозу. Чаще всего «противником» оказываются неправительственные организации правозащитного толка, не «вписывающиеся» в патерналистскую модель. В этой связи власть стремится осложнить их деятельность или вовсе ликвидировать. При этом сотрудничество, в том числе экономическое, с представителями международных организаций и фондов трактуется как «союзничество с врагом» и подрыв национальной безопасности.

8. Модель «Гражданского неповиновения». В случае несоблюдения властью основных демократических , общественные организации и отдельных граждане могут прибегнуть к модели гражданского неповиновения – участия в несанкционированных митингах, пикетах, других действиях умышленно противоправного характера, вызывающих репрессивную реакцию власти. Взаимодействие, таким образом, приобретает характер политической борьбы. Государство трактует такие акты несогласия как экстремизм, в то время как право на гражданское неповиновение в исследовательских кругах понимается как важное политическое право.

В первом приближении рассмотрев основные типологии форм взаимодействия власти и общества, можно заключить, что основой для коммуникации в России служат отнюдь не принципы равноправия и партнерства, а скорее интересы соблюдения шаткого нейтралитета. Обобщив особенности понимания коммуникации власти с обществом, мы выделяем некоторые проблемные, болезненные моменты, представляющие особую значимость, а именно: формальная проработанность взаимодействия с гражданским обществом при реальном ограничении его функционирования, конфликтный характер коммуникации, а также использование информационного поля взаимодействия в качестве инструмента доминирования власти. Безусловно, стоит подробнее остановиться на этих особенностях политической коммуникации.

Понимание конфликта как определяющего фактора прямой коммуникации пока еще только начинает утверждаться в российской политической мысли. Условно поделив пространство коммуникации на реальный уровень (непосредственная прямая коммуникация), медийный (посредником между властью и обществом выступает СМИ) и виртуальный (или сетевой, где коммуникация осуществляется в сети Интернет), можно выделить и различные формы конфликтного взаимодействия.

В настоящее время отчетливо прослеживается изменение отношения общества к определенным сферам, и становится актуальным так называемый информационный ресурс, играющий важную роль в развитии взаимодействия государства и общества. Таким образом, еще одним важным компонентом в современной коммуникации «власть-общество» является информационное взаимодействие. Информацию сегодня следует рассматривать как ресурс управления, в рамках которого государство либо ведет пропагандистскую работу, или же, в демократических режимах, обеспечивает некий диалог и взаимодействие общества и государства. Информационное взаимодействие на сегодняшний день является не только перспективным направлением в развитии современного демократического общества, но и залогом успешного и стабильного развития всего мира.

Тем не менее, относительно российской действительности именно прямая конфликтная коммуникация наиболее распространена. Это можно объяснить тем, что для такой формы коммуникации существует меньше институционально закрепленных барьеров (технологических, информационных), т.к. она мало чем обусловлена, не нуждается в посредниках.

Следуя этой логике, можно обратиться к классификации Е.В. Герасимовой⁴⁰, которая рассматривает в своей работе именно реальный

⁴⁰Герасимова Е.В. Формы и виды взаимодействия власти и общества в пространстве коммуникации // Теория и практика общественного развития. (Электронный журнал). 2010, № 4. URL:<http://www.teoria-practica.ru/> – 4 –2010/politica/gerasimova2.pdf (дата обращения: 08.05.2017).

уровень коммуникации. По мере увеличения остроты и напряжения во взаимоотношениях, Герасимова выделяет в прямой коммуникации форму обращения, протеста и угрозы. Рассмотрим их подробнее:

1. Обращение (предложения, заявления, жалобы, ходатайства в устной или письменной форме, а также коллективные обращения и петиции граждан). Политическая коммуникация в этой форме связана в большей степени с контактами «власть-население» и осуществляется по вертикали, т.е. взаимодействие протекает «снизу – вверх» и «сверху – вниз». Данная форма взаимодействия строго регламентирована, заключена в рамки, установленные законодательством. Нами уже были рассмотрены некоторые особенности осуществления нормативно-правовых принципов взаимодействия власти и общества, и совершенно понятно, что такая форма коммуникации содержит не много положительных сторон для гражданского общества. Кроме того, Е.В. Осетрова отмечает, что «общение в заданных координатах оценочно окрашено: если инициатива исходит от федеральной власти, контакт желателен и оценивается субъектами в большинстве случаев положительно; если же взаимодействие происходит по инициативе населения, то контакт с местной властью нежелателен или, по крайней мере, напряжен и часто осмысливается отрицательно»⁴¹.

2. Форма протеста. Активный протест уже давно вписался в повседневную политическую практику. Так, по данным опроса социологов «Фонда общественное мнение» (ФОМ), проведенного в марте 2010 г. в 44 субъектах РФ, 30 % россиян констатировали рост протестных настроений в стране, тогда как месяц назад (в феврале указанного года) таковых было 21 %. При этом 29 % граждан в настоящее время заявили о готовности лично принять участие в акциях протеста, 60 % не готовы сами протестовать. На вопрос социологов о

⁴¹ Осетрова Е.В. Поле властной коммуникации: способы взаимодействия субъектов // Вестник Красноярского государственного университета: гуманитарные науки. 2002. № 2 . С. 63.

готовности в ближайшее воскресенье выйти на митинги или демонстрации в защиту своих прав 20 % респондентов ответили утвердительно, 66 % отказались.

Опрос, посвященный выявлению протестных настроений от 12 февраля 2012 года среди 43 субъектов и 1500 человек, показал, что 28% россиян испытывают недовольство и выражают готовность принять участие в акциях протеста, 66% не испытывают потребности протестовать. 37% опрошенных в последний месяц не заметили готовности людей принять участие в акциях протеста, 25% опрошенных считают, что готовность людей участвовать в акциях протеста растет. 82% не готовы сами принять участие в митингах, демонстрациях и акциях протеста, 11% опрошенных готовы участвовать в протестных движениях в ближайшее время.

Последний опрос на аналогичную тему был проведен специалистами ФОМ 26-27 апреля 2014 года (64 субъекта Федерации, 3000 респондентов). Опрос показал, что 65 % наблюдают протестные настроения среди своих окружающих. В то же время, лояльность к власти в период с 01.2013 выросла с 46% до 65% (критика власти соответственно снизилась с 45% до 29% за тот же период). 34% опрошенных не готовы сами участвовать в митингах, демонстрациях и прочих акциях протеста против власти, а в ближайшие дни готовы идти всего лишь 16% против 61% людей, отрицающих свою готовность протестовать.

Для удобства и наглядности предлагаем обратиться к таблице:

	2010		2012		2014	
	«Да»	«Нет»	«Да»	«Нет»	«Да»	«Нет»

Отмечается р о с т протестных движений (%)	30	52	25	37	65	35
Г о т о в ы л и ч н о участвовать (%)	29	60	28	62	34	64
Пойдут на протест в ближайшее время (%)	20	66	11	73	16	61

Таблица 1 «Протестные настроения в России по результатам исследования Фонда общественного мнения 2010-2014 гг.»

Анализ результатов социологических опросов населения позволяет сделать вывод о том, что протестный потенциал граждан России продолжает держаться на достаточно высоком уровне, при этом, сами респонденты с течением времени все меньше изъявляют желания участвовать в протестных акциях лично.

Кроме того, при более детальном рассмотрении причин недовольства граждан обнаруживается, что оно вызвано по большей части не политическими, а социально-экономическими аспектами государственной политики. К примеру, опрос 2014 года показал, что работой ЖКХ и состоянием дорог в среднем недовольны 20% опрошенных, а вот с нарушением прав и свобод граждан и несоблюдением демократических принципов готовы бороться 3%. Это наводит на мысль о том, что политическая оппозиция не рассматривается как инструмент решения проблем граждан, как эффективный способ реализации своих интересов и защиты прав.

Понятно, что одни только результаты опросов позволяют усомниться в одном из наиболее громких мифов о российских гражданах — мифе об их пассивности.

3. Форма угрозы. Самый яркий пример угрозы – политический вандализм (осквернение зданий или иных сооружений, порча имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах). Вандализм характеризуется иррациональностью действий, а также серьёзными последствиями и ущербом от них. На бытовом уровне понятие вандализма стало распространяться на повседневные проявления хулиганства, связанные с порчей чужой собственности. Мотивы таких действий разнообразны, например, это могут быть агрессивная настроенность против общества, политическая агитация или просто стремление выделиться, показать себя и т.д.

Политический вандализм довольно распространенная в России форма конфликтной коммуникации. Можно предположить, что это обусловлено ее доступностью и относительной безопасностью для граждан, т.к. довольно редко преступников ловят на месте совершения акта вандализма. Такая форма выражения гражданского несогласия оставляет «авторов» анонимными, но в то же время, подвергает опасности преследования любого политического активиста. К примеру, известны случаи арестов и обысков в Комсомольске-на-Амуре. В ходе проведения пикета против политики партии «Единая Россия» были задержаны сторонники Э. Лимонова. По прибытии в ГОМ-2 города стало известно, что против них возбуждено уголовное дело по ст. 214 ч. 2 («Политический вандализм»), по факту осквернения неизвестными предвыборных стендов партии «Единая Россия»⁴².

Описанный случай демонстрирует не только актуальность такой формы взаимодействия, но и раскрывает конфликтный потенциал российского общества. Тем не менее, представляется, что сама идея гражданского

⁴² Аресты и обыски в Комсомольске-на-Амуре. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.nazbol.ru/gubr1/5502.html> (дата обращения: 08.05.2017).

общества и его роль в жизни государства направлены на исключение подобных форм взаимодействия, отсутствие вооруженных или иных острых форм конфронтации и поддержание общественного порядка.

Отдельный интерес представляет разработанный Якимцом и Никовской принципиально иной подход к осмыслению конфликта – это модель сложносоставного конфликта. Авторы исходят из того, что отдельно взятая конфликтная ситуация (моноконфликт) не может во всей полноте описать происходящие в России изменения. Во многом это связано с тем, что трансформация российского общества, по мнению авторов, затрагивает глубинные аспекты сразу нескольких сфер жизни, будь то социально-экономическая, политическая, духовная или любая другая. Начинаясь по причинам, относящимся к какой-либо сфере, конфликт может развиваться, затрагивая и другие сферы жизни государства и общества. Возникающие при этом противоречия взаимопроникают и взаимоусиливают друг друга, создавая все большее напряжение и позволяя оценивать сложившуюся ситуацию как сложносоставной конфликт.

Итак, сложносоставной конфликт – это «вырастающее на основе различных протоконфликтов⁴³ комбинированное столкновение противоположных мнений, интересов, взглядов, сил, позиций, возникающее в контексте не менее двух типовых моноконфликтов (социокультурный, политический, административный, этнонациональный, конфликт в социальной сфере, экономический) при необязательно совпадающих причинах конфликта и способах взаимодействия участников»⁴⁴.

Рассматривая российскую действительность с позиций многовариантности сложносоставных конфликтов, представляется, что моноконфликты можно отнести скорее к исключительным случаям. Это

⁴³ Протоконфликты характеризуются наличием социальных противоречий, а также осознанием субъектов, вовлеченных в конфликтную ситуацию, противоречивости отношений, целей, интересов и возникающих в этой связи угроз.

⁴⁴ Якимец В.Н, Никовская Л.И. Сложносоставные конфликты – атрибут постсоциалистической трансформации // Социс, 2005. №8. С. 78.

можно объяснить уникальностью возникших в России условий трансформации общества, затрагивающей сразу три пласта: с одной стороны, приватизация и коренные изменения в экономике, с другой – кардинальная перекройка политической системы, а с третьей – формирование нового административно-территориального устройства, результат которого – федерация и демократия.

Для анализа модернизационных процессов, трансформации общества и возникающей в этой связи конфликтности, Якимец и Никовская предлагают учитывать следующие особенности:

- 1) Учет всех возможных протоконфликтов. Не только моноконфликты, составляющие сложносоставной конфликт, имеют вес, но также и весь набор протоконфликтов, составляющих каждый моноконфликт. «Тем самым достигается возможность систематического рассмотрения первопричин, породивших моноконфликты, ставшие компонентами ССК»⁴⁵.
- 2) Взаимовлияние всех причин. Часто несущественные причины одного конфликта могут стать катализаторами для куда более серьезных причин другого.
- 3) Разносторонний анализ сложносоставного конфликта, при участии команды из участников каждого моноконфликта и их посредников. «Это требуется для того, чтобы, изыскивая способ разрешения ССК, не упустить своеобразие какого-либо моноконфликта, или на ранних фазах урегулирования заложить предпосылки для выработки взаимоприемлемого способа, базируясь на знаниях несовпадающих участников».
- 4) Динамическое развитие (не только во времени). В конфликтологии широко распространено изучение конфликта как последовательных этапов его развития: от зарождения через эскалацию

⁴⁵ Якимец В.Н, Никовская Л.И. Сложносоставные конфликты – атрибут постсоциалистической трансформации // Социс, 2005. №8. С. 79.

и к завершению. Относительно сложносоставного конфликта такой подход не будет эффективен ввиду сложного переплетения нескольких моноконфликтов между собой, их протоконфликтов и возможных изменений в настроениях и предпочтениях участников-сторон конфликта. Все это вместе порождает широкую матрицу развития одного сложносоставного конфликта из нескольких комбинаций моноконфликтов, их причин и сторон или даже многообразия причин и сторон.

Таким образом, авторы предлагают абсолютно новаторский взгляд на изучение конфликтного поля коммуникации в России. Имея ввиду, что различные конфликты в условиях коренной трансформации общества подпитывают и усиливают друг друга, необходимо отойти от анализа отдельных ситуаций, а рассматривать конфликт с точки зрения нового феномена – сложносоставного конфликта.

Нам бы хотелось предложить собственную модель к исследованию и пониманию конфликтных процессов в современной России. Представляется целесообразным выделить несколько составляющих элементов конфликтной коммуникации. Беря во внимание необходимость комплексного подхода к описанию, можно выделить два следующих элемента:

- 1) Конфликтно-психологическое состояние общества как некое субъективное измерение конфликтного взаимодействия
- 2) Взаимоотношения власти и общества как некий объективный фактор коммуникации

В рамках первого измерения хотелось бы обратить внимание на возникновение и развертывание составляющих факторов конфликтно-психологического состояния общества. Нам представляется закономерным выделить следующие категории: *неопределенность, напряженность, депривация, мобилизация*. Большинство исследований конфликтных коммуникаций построено исходя из описания стадий развития конфликта. В

свою очередь, обозначенные элементы можно представить как стадии развития психологической «готовности» к конфликтной коммуникации.

Справедливо отметить, что в процессе трансформации недовольства (как предпосылки к конфликтной коммуникации) в потенциал массового протеста (или иную форму конфликтного взаимодействия) велико значение осознания субъектом наличия самого противоречия, объективных и субъективных мотивов недовольства (чем недовольны, что не устраивает), а также осознания адресата (кем недовольны, кто виноват). Представляется, что наша модель способна описать переход от бессознательного возникновения напряжения к готовности отстаивать свои интересы, участвовать в протестном движении. Хотелось бы еще раз акцентировать внимание на том, что именно психологическое отношение индивида или группы к своему положению или к ситуации вообще способствует возникновению и эскалации конфликта.

Подходя к рассмотрению нашей модели, стоит прежде всего остановиться на более подробном анализе каждой составляющей.

1. ***Неопределенность***. Категория неопределенности носит определяющий характер в отношении процессов трансформации российского общества. Российская трансформация, как на макро-, так и на микроуровне, являются, по мнению немецкого ученого Р.Райсига, не запрограммированным, а конфликтным, амбивалентным и по своим специфическим результатам неопределенным процессом изменений⁴⁶. При этом, неопределенный характер носят как результаты общественных преобразований, так и процессуальный порядок таких преобразований. Безусловно, эта неопределенность вскрывает проблему институционализации конфликтности, многовариантности самоопределения субъектов взаимодействия, постоянно изменяющихся контекстов актуализации конфликтной ситуации. В процессе

⁴⁶ Райсиг Р. Исследования трансформации: достижения, насущные проблемы и перспективы. Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. Т.2. СПб., М., Берлин, 2003. С. 371.

политических изменений рост неопределенности влечет за собой нестабильности и затягивание трансформации. Это, в свою очередь, может привести к затягиванию разрешения кризисной ситуации, конфликтного противоречия. В этом случае конфликт «”тлеет”», уходя вглубь, истощая силы общества, возникает тупиковая ситуация, когда люди осознают реальное расхождение между провозглашенными идеалами и целями общественного развития и его действительными результатами. Синдром "зависания" может длиться сколь угодно долго, пока не возникнут новые обстоятельства и не сформулируются новые субъекты, в интересах которых - завершение этой неопределенности»⁴⁷.

Говоря об объективно существующей ситуации неопределенности, мы также подразумеваем чисто субъективное состояние неопределенности, нестабильности, дискомфорта, ведущие за собой напряжение и фрустрацию.

Говоря о неопределенности в психологическом разрезе, стоит сказать, что это состояние психики индивида непосредственно связано с обратным ему феноменом «определения ситуации», «образа ситуации», которые можно считать «ориентировочной основой поведения». Образы реальности играют даже более значимую роль в жизни индивида, чем сами объекты, создающие образы, т.к. именно от образного восприятия мира зависит итоговая поведенческая модель. «Определение ситуации» служит важным инструментом категоризации социальной реальности, который удовлетворяет потребность в необходимом упрощении окружающей действительности. Исходя из того, как мы воспринимаем параметры реальных ситуаций и формируем в соответствии с ними образ реальности и подходящее поведение, зависит вся социальная действительность. Потому, сталкиваясь с чем-то новым, трудным, человек прежде всего стремится соотнести это с каким-либо знакомым типом ситуации, о которой имеет хотя бы примерные представления, чтобы сформировать отношение к происходящему

⁴⁷ Якимец В.Н, Никовская Л.И. Сложносоставные конфликты – атрибут постсоциалистической трансформации // Социс, 2005. №8. С. 82.

и знать как себя вести. «Определение ситуации» несет функцию снижения дискомфорта от ситуации неопределенности и связанной с ней незащищенностью, уязвимостью.

Соответственно, в ситуациях полной неопределенности и кризисных преобразований в стране, которые с разной периодичностью вспыхивали в России на протяжении уже двадцати лет, конфликтно-психологическое состояние населения усугублялось, и связанная с ним психологическая неопределенность нарастала. И если в объективно существующем мире не возникали факторы, способные окончательно разрешить эту неопределенность, то на психологическом фоне формировалась все крепнущая необходимость эту неопределенность снять. Все это в последующем сказалось на возникновении устойчивого напряжения в обществе, которое пытались найти выход посредством различных конфликтных форм коммуникации.

2. ***Напряженность.*** Понятие напряженности является отправной точкой в исследовании психологического аспекта любого конфликта. Именно из напряженности вырастает сам конфликт, основополагающие его противоречия. Понятно, что нас интересует напряженность именно в политическом аспекте, а не социальном и даже не социально-политическом. Нам видится, что именно политическая напряженность носит более масштабный и при этом острый характер. Кроме того, многие проблемы в России, за неимением эффективных механизмов регуляции и разрешения переходят именно в политическую сферу, когда именно государство как олицетворение власти обвиняется в социальном неблагополучии и удовлетворение интересов и потребностей граждан сводится к властным отношениям, принятию политических решений. Особенно актуально говорить о политической напряженности в условиях кризиса, радикальных изменений в государственной системе, когда затрагиваются интересы широких социальных слоев.

В самом общем смысле, под напряженностью мы будем понимать социально-психологическое состояние людей, обусловленное их неудовлетворенностью своим положением, состоянием дел, ходом развития событий, ситуацией в стране, прежде всего в политической сфере⁴⁸.

Стоит отметить, что некоторый уровень напряженности в эффективно выстроенной социальной системе естественен и даже необходим. О существовании «конструктивной напряженности» говорит, в частности, А.Ахиезер: «это своего рода защитная и адаптивная реакция социального организма и «средство» от застоя и конформизма, готовность людей решать возникающие проблемы»⁴⁹. Наличие умеренной напряженности свидетельствует, таким образом, о гибкости политической системы, ее открытости. В случае же, когда напряженность находится на уровне ниже определенной «нормы», можно говорить о жесткости политической системы, ее закрытости, что ведет к политической апатии, пассивности и застою. В России такому сценарию случилось воплотиться даже дважды: в конце 70х – начале 80х, а также в середине 90х гг XX века. О «конструктивной напряженности» в контексте российских реалий говорить достаточно сложно: отечественная политическая наука больше интересуется отклонениями от нормы, тем более что практика также демонстрирует скорее крайности, чем умеренность и стабильность. Итак, в случае превышения допустимого значения напряженности, она может вылиться в конфликт. Такая напряженность – следствие глубоких неразрешенных противоречий, которые затрагивают базовые потребности и интересы граждан и являются деструктивным элементом по отношению к существующей системе.

⁴⁸ Козырев Г.И. Политическая конфликтология. М., 2008. С. 239.

⁴⁹ Ахиезер А.С. Дезорганизация как категория общественной науки // Общественные науки и современность, 1995. №6. С. 35.

Напряженность также может проходить несколько этапов в процессе своего нарастания⁵⁰:

- 1) усиление неудовлетворенности различных социальных слоев условиями жизни;
- 2) обнаружение причинно-следственной связи между характером объекта напряженности и деятельностью других социальных субъектов, вызывающее напряженность;
- 3) усиление напряженности, трансформирующейся в конфликтный потенциал;
- 4) аккумулярование конфликтного потенциала и его переход в открытый конфликт.

Стоит отметить некоторые характерные для возникновения и развития напряженности черты. Во-первых, можно говорить о возникновении напряженности как о некоем предконфликтном состоянии, для которого характерно скрытое нарастание недовольства, рост обеспокоенности, отсутствие ясного осознания массами причин и масштабов происходящих в обществе изменений. Во-вторых, такое напряжение неминуемо сообщается с состоянием других субъектов, т.е. это акт некоторого массового осознания неудовлетворенности и ненормальности сложившейся ситуации. Только после этого можно говорить о возникновении конфликтной ситуации и готовности вступить во взаимодействие с властью, осознание необходимости действовать. Как правило, выражая свое недовольство в той или иной конфликтной форме коммуникации, субъект снижает уровень личной, равно как и групповой напряженности (увеличивается степень определенности ситуации, происходит психологическая/эмоциональная разрядка, достигнуто соглашение в отношении удовлетворения потребностей и реализации интересов). Тем не менее, в ходе развития конфликтной коммуникации те или

⁵⁰ Куконков П.И. Социальная напряженность как этап в процессе развития конфликта // Социальные конфликты, 1995. №9. С. 13.

иные действия сторон по прежнему могут влиять на спад или нарастание напряженности.

В случае, если все стороны конфликта достигли желаемого и сама конфликтная ситуация исчерпана, напряженность возвращается в допустимые естественные пределы. Однако если в процессе взаимодействия осознается невозможность прийти к некоему консенсусу, конфликтная ситуация обостряется. Тогда в психологическом аспекте можно говорить о депривации.

3. *Депривация.* В социологическом понимании депривация – это модель участия в политическом процессе, особый вид политической активности, обусловленный неудовлетворенностью. Это возникшее противоречие между ожидаемым/желаемым и возможным/реальным, противоречие между субъективной и объективной стороной конфликтной ситуации. Депривация – это определенное осознание невозможности достижения реализации своих интересов, удовлетворения потребностей.

Также депривация возможна в отношении личных интересов, интересов группы (групповая депривация), прошлого положения и настоящего. Все эти состояния имеют одно сходство: это состояние сознания, при котором ясно значительное расхождение между состоянием субъективным (своей группы, своего прошлого) и объективным положением дел (личных, группы, в настоящем).

Депривация вытекает из критично высоких показателей напряженности, которая связана с превышением границ лояльности и терпения, установленных прежними тяжелыми депривациями⁵¹.

Осознание ущемленности прав, несбыточности обещаний, обманутости и невозможности прийти к удовлетворению, желаемому состоянию – все это

⁵¹ К примеру, в советский период сдерживающим фактором служила память о Великой Отечественной войне, когда уровень депривации был колоссальным и регулировался лишь идеей единства советского народа и жаждой победы над врагом.

связано с категорией социальной несправедливости и находит выход в наиболее острых формах конфликтного взаимодействия.

Таким образом, депривация является связующим звеном между психологическим состоянием, осознанием несправедливости и решимостью действовать и непосредственным выражением настроений и установок в форме конфликтного взаимодействия.

4. **Мобилизация.** В большинстве случаев мобилизация определяется как привлечение и активизация ресурсов (людских, материальных и пр.) для форсированного достижения определенных целей в условиях некой кризисной ситуации. В данном исследовании под мобилизацией мы будем иметь в виду массовое выражение недовольства в процессе прямой коммуникации с государством, властными структурами, а также корневые изменения в состоянии, структуре, настроениях широких слоев населения, вытекающие из этого недовольства. В общем смысле, политический конфликт в таких его формах, как массовый протест, демонстрация, политические акции и т.п. – это и есть мобилизация. Высокая способность к мобилизации – одна из характерных черт развитого гражданского общества. При этом, речь не всегда идет о каких-то катастрофических предпосылках к мобилизации, кризисе или массовом протесте. В демократическом режиме гражданское общество способно мобилизовать силы и ресурсы в мирных целях (к примеру, помощь сиротам, бездомным, жертвам природных катаклизмов).

В рамках нашей модели мы говорим о мобилизации как результате крайней сплоченности общества в конфликтных настроениях и неудовлетворенности существующим порядком. Результатом такой мобилизации, в случае успеха, представляются социальные и политические изменения в стране, распределении ресурсов (в т.ч. и властных – смена руководящих лиц), распространение новых идей и видения порядка на все общество, в т.ч. ранее индифферентных слоев. Важно отметить, что такая мобилизация несет в себе очень важное качественное изменение сама по

себе, безотносительно достигнутых результатов: она служит институционализации конфликтного взаимодействия гражданского общества с государством, властью. Нам видится, что именно это вносит принципиальное значение в процесс формирования новых основ конфликтной коммуникации в России.

Переходя к объективному измерению нашей схемы, хотелось бы прежде всего обозначить некоторые особенности конфликтного взаимодействия власти и общества в России.

Во-первых, это *состав участников* конфликтной коммуникации. Модель взаимодействия власти и общества в России долгое время представляла собой однонаправленный процесс «сверху-вниз», минуя каких-либо посредников и обходясь без элемента обратной связи. Нам бы хотелось отметить важные изменения в субъектной структуре конфликтной коммуникации, а именно, возникновение особых посредников между властью и обществом.

Во-вторых, это *кризисный характер коммуникации*. Здесь мы имеем в виду, что для развития коммуникации, как правило, оказывается необходимо возникновение некой «точки невозврата», выполняющей роль катализатора, который запускает процессы конфликтного взаимодействия.

И, наконец, в-третьих, это *инструментарий*. В конфликте как особой форме коммуникации особо важен способ взаимодействия субъектов. Переход от применения одних методов к другим может кардинально изменить механизмы протекания коммуникации в целом.

Представляется целесообразным рассмотреть представленную схему на примере реальной конфликтной ситуации, что позволит не только дополнить и расширить ее эмпирическими данными, но и проверить правдоподобность разработанной модели.

2.2 ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ КАК КОНФЛИКТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ДЕЙСТВИИ

Для апробации нашей модели хотелось бы обратиться к событиям 2011 – 2012 гг., а именно, к протестному движению зимы и весны 2011-2012 гг. Подъем гражданского протеста, быстрое развитие новых форм конфликтной коммуникации и политического участия ставят перед нами не столько вопрос об изучении конкретных ситуаций, сколько необходимость комплексного анализа всех происходивших изменений в стране и обществе, необходимость изучения всех закономерностей и новшеств, проявившихся в политической коммуникации того периода.

В исследовании конфликтной коммуникации 2011-2012 гг. мы применили метод case-study, т.к. именно он открывает возможность изучения уникальной ситуации, единичного феномена с последующим выведением некоторых особенностей и закономерностей для всего класса схожих ситуаций. При этом для нас важно применить выработанные теоретические положения к реальной ситуации.

Стоит отметить, что в рамках классификации кейс-стади наше исследование можно отнести к единичному случаю (уникальному, для которого сложно найти аналоги) по количественному параметру. В отношении к теории наш кейс можно отнести скорее к экстремальному типу, т.к. он представляет собой «определенную аномалию, девиацию, случай, который является частью общей совокупности, и в то же время значительно выделяется на фоне других. Экстремальный кейс позволяет нам получить информацию об особенно ярком или необычном проявлении феномена, каком-то аспекте явления, незаметном в других ситуациях. Изучение обусловивших специфику девиантного кейса факторов помогает обнаружить альтернативные объяснения и даже подвести к созданию новой теории»⁵².

⁵² Власова М.Г. Кейс-стади в исследованиях международных отношений: методология и исследовательская практика // Теория и практика общественного развития, 2012. № 11. С. 257.

В соответствии с логикой нашей модели, хотелось бы обозначить несколько вопросов, которые представляется необходимым поставить к предстоящему исследованию ситуации.

Во-первых, как развивается и трансформируется конфликтно-психологическое состояние общества в данный период?

Во-вторых, каковы изменения в субъектном аспекте коммуникации?

В-третьих, что послужило «катализатором» к развитию конфликтной коммуникации?

В-четвертых, какие методы использовались сторонами конфликта, и как это меняло ход развития самой конфликтной ситуации?

И, наконец, в-пятых, каковы особенности современной российской конфликтной коммуникации, ее отличия от сложившейся в прошлом традиционной модели?

Ответам на эти вопросы и будет посвящен данный параграф. Хотелось бы сразу же отметить, что в силу того, что сама конфликтная коммуникация того периода развивалась согласно своей внутренней логике и имеет собственные периоды, мы будем применять нашу схему отдельно к каждому из периодов. Это позволит более детально рассмотреть каждый из этапов развития конфликтной коммуникации, а также проследить динамику развития всей конфликтной ситуации.

Прежде всего, стоит сказать, что весь 2011 год характеризовался большим количеством волнений и массовых выступлений и акций протеста. С января по сентябрь 2011 года было зафиксировано 702 публичные акции, в которых участвовало 97043 человек. Во время публичных акций были задержаны 1417 граждан⁵³. Именно данный период (до сентября 2011 года) мы обозначим как первый этап протестного движения.

Среди основных тем, звучавших в то время, стоит отдельно отметить рост акций за честные выборы, против фальсификации и произвола властей,

⁵³ Данные Московской Хельсинкской группы. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.mhg.ru/projects/arch/10464738> (дата обращения: 08.05.2017).

коррупции во властных структурах и повышения цен на услуги ЖКХ, против реформы образования, экологические – в защиту Химкинского леса, а также в связи с долгосрочным и несправедливым заключением Михаила Ходорковского и Платона Лебедева. Как можно заметить, мотивы недовольства очень разрозненные и отнюдь не сугубо политические. Скорее поднятие волны протеста было связано с осознанием несправедливости строя вообще, неудовлетворенностью своим положением, непониманием политики властей и неуверенностью в своем будущем.

Также нарастание внутренней психологической неопределенности нашло выражение в регионах страны, где к общероссийским «трендам» протеста примешивалась местная проблематика.

В общем, можно говорить о нарастании беспокойства и неопределенности в связи с крепнущим экономическим кризисом, который сопровождался падением рейтингов партии власти и Владимира Путина. Ощущение экономической стабильности, которое, наподобие брежневских времен, было выменяно на политическую лояльность широких слоев населения в конце второго срока Путина, постепенно исчезало. Более того, чувство незащищенности и неопределенности будущего охватило не только многочисленный бедный слой населения, но также характерно для более узкого обеспеченного слоя, столичных жителей. Кризис легитимности власти обозначился уже к августу 2011, когда в информационной среде были распространены убеждения о будущих фальсификациях на выборах, «клевете», «махинациях с бюллетенями», больше половины опрошенных (57%) были уверены, что нарушения будут произведены в пользу партии власти.

В отношении субъектности конфликтной коммуникации можно отметить, что на данном этапе прослеживается верность традиции: это власть и гражданское общество в самом общем плане, в лице своих официальных представителей. Со стороны власти – это властные структуры, официальные лица. Со стороны гражданского общества проявили себя как организаторы

акций протеста экологические организации, ОДД «Солидарность», партия «Яблоко», объединение сторонников социалистического развития «Левый фронт», незарегистрированная российская политическая партия «Другая Россия».

В отношении инструментария, применяемого в тот период, важно отметить, что значительно возросла роль социальных сетей и Интернета вообще. В подготовке, организации, сборе средств активно участвовали такие платформы, как Вконтакте, Facebook, LiveJournal, Twitter, другие массовые каналы и персональные блоги. Также можно сказать, что основной чертой и главным отличием от сложившейся практики стали несанкционированные акции протеста. Интересно, что иногда количество санкционированных и несанкционированных акций было равно, при этом несогласованные мероприятия не встречали силового сопротивления со стороны власти и полиции. Все акции и мероприятия носили мирный характер, реакция властей так же была в рамках установленного законодательства, не смотря на некоторые нарушения со стороны организаторов.

Тем не менее в отношении некоторых акций протеста реакцию власти можно назвать экстраординарной. К примеру, интересно высказывание С.Собянина, только вступившего в должность мэра Москвы: «столичные власти будут предоставлять площади и улицы для акций тем политическим силам, которые способны «вывести десятки и сотни тысяч людей», а не «нескольким десяткам дебоширов»⁵⁴. Этим новоизбранный мэр обозначил свое отношение к массовым акциям, а также квалифицировал гражданскую активность на «достойную» и «недостойную» столицы.

Из последующих выдающихся предприятий по блокированию гражданской активности можно отметить: приравнивание сбора подписей активистами партии «Яблоко» в Москве к публичному мероприятию; в г. Железнодорожном Московской области, пропустив положенный

⁵⁴ Собянин объяснил, почему запрещает митинговать геем и несогласным. [Электронный ресурс] // URL: <http://newsru.com/russia/06jun2011/sobyanin.html> (дата обращения: 08.05.2017).

трехдневный срок, власти отказали дольщикам в пикете на том основании, что на площадь к мэрии придут дети, чтобы провести коллективную зарядку. В г. Аксай, Ростовской области в парке, где должна проходить акция, были разбросаны листовки, запрещающие находиться здесь из-за «плановой противоклещевой обработки территории»⁵⁵.

Подводя итог первому периоду, нужно отметить следующие его особенности:

- 1) в отношении конфликтно-психологического состояния общества можно проследить стабильную неудовлетворенность положением дел в обществе и государстве, недоверие властным структурам, неопределенность в отношении своего будущего. Все это нашло выражение в значительно возросшем уровне общественного протестного потенциала (при невысоких показателях личной готовности к участию в протестных акциях), нежеланию широких слоев небогатых граждан приспособляться и адаптироваться к сложившейся ситуации и выдвигению из рядов «меньшинства» - интеллигенции, активистов, готовых перейти от пассивного недовольства к активному решению проблем;
- 2) в субъектном плане можно отметить незначительные перемены: по числу и составу участников со стороны гражданского общества, равно как и со стороны властных структур, конфликтная коммуникация зарождается в рамках сложившейся до этого модели. В целом, выступления на первом этапе носят скорее немассовый характер, при участии оппозиционных организаций и профессиональных активистов (экологических и правозащитных организаций);

⁵⁵ Зайцев Д.Г., Карастелев В.Е. Протестное движение в России 2011-2012 годов: проблема субъектности. // Государство и общество в пространстве политических коммуникаций. Политическая наука. Ежегодник 2013. С. 235.

3) новой чертой в методах ведения диалога с властью стало применение интернет-ресурсов, что можно объяснить повышением доверия к независимым источникам информации при недоверии официальным источникам, а также распространение несанкционированных акций протеста как выражение неприятия власти и ее порядков. Со стороны властных структур прослеживается выборочное препятствие акциям, регулируемое скорее политическими, а не правовыми мотивами. Пресекались те мероприятия, которые по тем или иным причинам расценивались как угроза для стабильности существующего режима (в частности, акции в защиту Ходорковского и Лебедева).

Весомый вклад в развитие конфликтной ситуации внесла предвыборная кампания 2011 года. Поворотными моментами ее стали: во-первых, объявление Владимиром Путиным о своем участии в выборах на пост президента (хотя в 2008 году говорилось о том, что он не видит себя на третьем президентском сроке), а Дмитрий Медведев займет место премьер-министра; во-вторых, отказ в регистрации кандидатов ряда партий (ПАРНАС, «Другая Россия», «Рот-фронт», «Родина – Здравый смысл») по, как считают сами члены партии, «надуманным политически-обоснованным» причинам; в-третьих, случаи злоупотребления служебным положением и привлечение административного ресурса в целях раскрутки «Единой России» и манипулирования общественным мнением, в частности, в Интернете⁵⁶.

Также для этого этапа было характерно начало официального оформления протестного движения и, можно даже сказать, начало его институционализации. Примером этому может служить прошедший в начале осени 2011 Второй форум гражданских активистов. Обсуждение порядка

⁵⁶Переписка между «Единой Россией», кубанским департаментом СМИ, интернет-троллями и районными чиновниками См.: Титов Е. «Сергей, протрольте это! Маша». [Электронный ресурс] // URL: <http://www.novayagazeta.ru/politics/49612.html> (дата обращения: 08.05.2017).

протестных выступлений, публичных акций проходило максимально открыто и транслировалось в Интернете. В то же время со стороны власти стали все чаще применяться меры по подавлению и препятствованию проведению митингов и мероприятий⁵⁷.

Таким образом, весь год до предвыборной кампании и непосредственно накануне характеризовался нарастанием массового недовольства и началом внеправовой реакции властей на нее. Ощущение несправедливости своего положения, подкрепляемое сопротивлением выражению своих убеждений со стороны федеральных и местных властей, полиции, продолжало нарастать. Увеличению масштаба массового недовольства продолжает способствовать Интернет: расширяются старые и возникают новые площадки, на которых делятся личным опытом нарушений (в т.ч. гражданских прав – права на свободу собраний, свободу слова, нарушение избирательного права) все более широкие слои населения. Впоследствии именно вопрос нарушения порядка проведения выборов, фальсификация и «вброс» бюллетеней станут решающими в начале массовых протестов на территории страны.

На наш взгляд, именно такой ход предвыборной кампании послужил причиной для осознания большинством населения невозможности цивилизованно разрешить возникшие противоречия, добиться удовлетворения своих потребностей, справедливости. Многочисленные нарушения и публичные скандалы, «рокировка» во властной верхушке убили последнюю надежду в тех, кто рассчитывал на конструктивные перемены в своем положении, в жизни страны.

Массовые выступления начинаются уже 4 декабря 2011, в день проведения выборов. Интересно то, что вышли на улицы люди, в обычной жизни далекие от политики. Это расширяет субъектную составляющую

⁵⁷ Дагестан: митинг против коррупции в Махачкале разогнан // <http://article20.org/node/772> (дата обращения: 08.05.2017).

Форум активистов в Краснодаре с участием Немцова и журналистки Романовой заблокировал ОМОН. [Электронный ресурс] // URL: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/10/16/n_2054378.shtml (дата обращения: 08.05.2017).

нашей модели. Также все более отчетливо прослеживается роль неких посредников между рядовыми гражданами, пытающимися сформировать гражданское общество, и властными структурами. Из классической для российской действительности модели «власть – бизнес (элита) – массы» выделяется та элита, которая оказывается ближе к обществу, чем к государству. В этом нам видится определенная закономерность и удовлетворение потребности народа в персонифицированном образе власти. Если в официальной власти, представленной Кремлем, массы окончательно разочарованы, логично выделяются новые герои, новые лидеры, за которыми следуют протестующие.

Важно отметить, что наряду с возрастающей поддержкой массового протеста возрастает и поддержка неофициальных лидеров. Достаточно весомый процент опрошенных, не участвовавших лично в акциях протеста (34%), поддерживают требования митингующих, ссылаясь при этом на персоналии лидеров, представляющих «лицо протеста» и пользующиеся авторитетом и поддержкой, как среди активных участников движения, так и среди «сочувствующих».

Вместе с тем, протестное движение продолжает свое движение к институционализации. Наравне с проведением митингов и акций, создается Лига избирателей (16 января 2012 года), цель которой – борьба за честные выборы, против фальсификации и нарушения прав избирателей. Средствами достижения своей цели организаторы видят, прежде всего, поддержку и распространение акций протеста на всей территории страны. Также создание Лиги избирателей наиболее четко обозначило «лидеров», сторонников гражданского движения, в числе которых оказались не только ярые противники власти, но именно интеллигенция, «цвет Москвы». Учредителями Лиги избирателей стали Леонид Парфенов, Юрий Шевчук,

Борис Акунин, Татьяна Лазарева, Дмитрий Быков, Людмила Улицкая и другие⁵⁸.

В отношении коммуникации власти и общества на втором этапе протестного движения прослеживаются значительные изменения. После первых выступлений и протестных акций власть дала свой комментарий относительно происходящего. Важно отметить, что события первого митинга 4 декабря, а также 5 декабря на Чистых прудах и особенно – 10 декабря на Болотной площади транслировались по большинству федеральных каналов и нашли отражение во всех независимых СМИ. Интересно проследить отражение даже численного состава митингов. Так, «по данным ГУВД Москвы в массовой акции (*на Болотной площади - Е.К*), продлившейся около четырех часов, приняли участие до 25 тыс. человек»⁵⁹. А вот как оценивает произошедшее «Новая газета»: «цифры: около 40 тысяч на пике, около 120 тысяч за три с половиной часа митинга. Факт: требование свободных выборов объединило анархистов, либералов, геев, коммунистов и националистов»⁶⁰. По данным организаторов митинга на Болотной площади, численность участников достигла 150 тысяч человек.

Отражение событий в официальных СМИ тоже было специфичным. К примеру, требования митингующих «За честные выборы» (неофициально также распространено название «Против фальсификации на выборах») трансформировалось в интерпретации федеральных каналов в «митинг против результатов выборов Госдуме». По оценке специалистов «цель подмены понятна – представить протест против фальсификаций в виде обычного недовольства проигравшей оппозиции. Дескать, народ совершил

⁵⁸ Волков Д. Протестное движение в России глазами его лидеров и активистов // Вестник общественного мнения, 2012. №3-4. С. 147.

⁵⁹ Митинг на Болотной прошел без происшествий. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.izvestia.ru/news/509239> (дата обращения: 08.05.2017).

⁶⁰ 10 декабря. Москва. Митинг на Болотной площади. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.novayagazeta.ru/photos/49997.html> (дата обращения: 08.05.2017).

свой выбор, а протестующие не хотят смириться с выбором народа («результатами выборов в Госдуму»)⁶¹.

Во время, а иногда вслед за акциями протеста организовывались акции в поддержку действующей власти. К примеру, 12 декабря 2011 года был проведен митинг на Манежной площади. Его характерными чертами можно назвать то, что организован он был исключительно за счет административного ресурса власти, не являлся массовым, по сравнению с акциями оппозиции (5-7 тысяч человек против порядка 150 тысяч на Болотной площади), проводился за счет привезенных на специальных автобусах людей из других регионов⁶², которые были привлечены сугубо материальными интересами.

Также пропутинским был «антиоранжевый митинг» на Поклонной горе, проходивший одновременно с митингом на Болотной площади 4 февраля. Организаторы митинга не скрывают, что целью их мероприятия являлось создание противовеса оппозиционному лагерю и противодействие их намерению развязать «оранжевую революцию». Стоит отметить, что это мероприятие уже носит более массовый характер (число участников по разным подсчетам от 50 до 138 тысяч человек), который достигался не за счет ресурсов «Единой России», а был организован непосредственно ресурсами избирательного штаба В.Путина. В состав участников «антиоранжевого митинга» вошли в основном государственные служащие, «бюджетники», которых также мотивировали финансово⁶³.

⁶¹ Прокремлевские СМИ пытаются исказить смысл митинга 10 декабря. [Электронный ресурс] // URL: <http://demagogy.ru/news/2011-12-10/prokremlevskie-smi-pytayutsya-iskazit-smysl-mitinga-10-dekabrya> (дата обращения: 08.05.2017).

⁶² Опять 25 [Электронный ресурс] // URL: <http://grani.ru/Society/m.194012.html> (дата обращения: 08.05.2017).

⁶³ Как я полюбила Путина за 500 рублей [Электронный ресурс] // URL: <http://www.svobodanews.ru/content/article/24473526.html> (дата обращения: 08.05.2017).

В целом, тенденция ясна: оппозиция проводит массовые акции, власть проводит акции им в противовес, а также искажает смысл проведенных гражданских выступлений, преуменьшая их численность и искажая цели.

По-прежнему велико влияние Интернета в организации и проведении протестных акций. К примеру, на соответствующей странице в Facebook было собрано около 4 млн рублей в поддержку протестного движения. Говоря о других методах ведения конфликтной коммуникации, важно отметить появление новых форм протеста – акций «Большой белый круг», «Проводы путинской политической зимы», которые – с другой стороны – были встречены акцией на Зубовском бульваре, где около 100 молодых людей из пропутинской молодежной организации раздавали картонные сувенирные сердечки с надписью «Путин любит всех!»⁶⁴. Можно сказать, что подобное симметричное взаимодействие не просто продолжается, не угасает, но и набирает обороты, как в количественном, так и в качественном, творческом и креативном плане. В целом, можно оценить такое взаимодействие как относительно здоровую конкуренцию убеждений.

При этом на протяжении всего периода с декабря 2011 по март 2012 все формы конфликтной коммуникации носили исключительно мирный, несиловой характер. Однако количество задержаний и вообще силовых столкновений между полицией и протестующими начиная с марта 2012 года неуклонно растет. Этим можно обозначить начало нового периода в коммуникации власти и общества в рамках протестного движения.

Одним из ярчайших примеров стала согласованная акция на Пушкинской площади 5 марта 2012 года, в результате которой было задержано до 1000 человек⁶⁵ (количество участников по разным данным

⁶⁴ «Я Вовка, я за Путина!» Митинг на Поклонной горе собрал около ста тысяч бюджетников [Электронный ресурс] // URL: http://www.gazeta.ru/politics/elections2011/2012/02/04_a_3987461.shtml (дата обращения: 08.05.2017).

⁶⁵ Честные митинги [Электронный ресурс] // URL: <http://rusrep.ru/article/2012/03/05/mitingi/> (дата обращения: 08.05.2017).

варьируется от 14 до 30 тысяч⁶⁶). Многие участники митингов были избиты, получили травмы и увечья от полиции⁶⁷. При этом, в ответ на общественный резонанс на неправомерные действия полиции и ОМОНа, были сделаны официальные заявления. Так, по оценкам В.Путина и уполномоченного по правам человека Владимир Лукин не усмотрели агрессии и жестокости в действиях полиции 5 марта 2012 года⁶⁸.

В дальнейшем коммуникация все более осложняется: увеличивается количество арестов и запретов на проведение акций, растет численность участников протестных акций. Важно, что число участников протестного движения не снижается. 6 мая 2012 года, когда прошел практически последний в тот период яркий «Марш миллионов», число участников составило до 120 тысяч человек. Именно в этот день наиболее ярко выразилась острота возникшего противоречия во взаимодействии власти и общества: «Народный марш», организованный против проведения инаугурации Владимира Путина на новый президентский срок. Заранее согласованный «Марш» встретил полицейские ограждения, что противоречило заранее установленным договоренностям о ходе и схеме мероприятия. Как результат, согласно аналитическим материалам газеты Лента.ру, «таких масштабных уличных боев Москва не видела лет двадцать, а может и больше»⁶⁹. Также установлено, что полиция без предупреждения и безосновательно применяла насилие: «били людей дубинками и ногами,

⁶⁶ Пушкин, да или нет? [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rg.ru/2012/03/05/pushka.html> (дата обращения: 08.05.2017).

⁶⁷Разгоняя оппозицию [Электронный ресурс] // URL: <http://www.newsru.com/russia/06mar2012/popova.html>,
Последствия [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=4F588F6342D33> (дата обращения: 08.05.2017).

⁶⁸ Госпитализирована политическая активистка, избитая в московском ОВД [Электронный ресурс] // URL: <http://grani.ru/Politics/Russia/activism/m.196256.html> (дата обращения: 08.05.2017).

⁶⁹ На пяточке [Электронный ресурс] // URL: <http://lenta.ru/articles/2012/05/07/shestoyemaya> (дата обращения: 08.05.2017).

рвали одежду и бесцеремонно швыряли в автозаки». Всего задержано 436 человек, согласно официальным источникам и более 650 по данным участников «Марша»⁷⁰.

Подводя некоторый итог этому этапу, нужно отметить его особенности:

- 1) очевидна готовность широких слоев населения к непосредственному участию в акциях протеста, а также поддержка активистов со стороны большинства населения вследствие осознания невозможности добиться реализации интересов иным путем. Относительно быстро пройдя этапы накала напряженности и депривации, конфликтно-психологическое состояние общества переходит к мобилизации всего населения в рамках протестного движения;
- 2) с точки зрения субъектности, на первый план выходит тип нового гражданина и активиста, образованного, молодого человека либерально-демократических взглядов. Четко обозначается и образ лидера оппозиции: это не просто профессиональный активист, правозащитник, а творческая интеллигенция, человек из аналитической и интеллектуальной среды, имеющие связующую силу, интегрирующее начало для гражданских активистов;
- 3) еще больше усиливается тенденция поддержки со стороны интернет-сообщества: мероприятия не только обсуждаются, но возникают, организовываются и собирают финансирование через социальные сети и прочие интернет - платформы. Это также привлекает к движению людей, ранее далеких от сферы активной политической деятельности. В то же время, возникают инциденты насильственного взаимодействия, которое также имело свою динамику. Изначально мирные, соразмерные действия гражданских активистов, меры властей переросли в прямое задеystвование не только

⁷⁰ Уточненные данные событий «марша миллионов» [Электронный ресурс] // URL: <http://echo.msk.ru/news/885912-echo.html> (дата обращения: 08.05.2017).

административных, но и силовых, насильственных внеправовых ресурсов.

В целом, на этом этапе прослеживается уже массовая вовлеченность в протестную коммуникацию. Проблематика, в отличие от предыдущего этапа нарастания недовольства, сужается до сугубо политических прав и свобод, катализатором которой послужили вопиющие случаи нарушений во время предвыборной кампании. Стоит отметить, что значительных результатов такая конфликтная коммуникация не показала: начальное снисхождение власти к подобным формам протеста после набирания массовости сменилось на репрессивные меры и декоративные поправки для протестующих. Также были введены поправки в законы «О некоммерческих организациях», принят федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Смысл всех проектов сводится к тому, чтобы снизить число активистов и тем самым «перекрыть кислород» всему движению.

Последующее развитие конфликтной коммуникации разворачивается в рамках ранее обозначенных тенденций: изобретение новых форм протеста (#ОккупайАбай, «Контрольная прогулка», «Мобильный лагерь»), которые могли бы обойти принятые законами ограничения. В целом, можно сказать, что конфликтная коммуникация со стороны оппозиции только усилилась под давлением государственной машины. Набрали еще большую силу лидеры движения, которые способствовали сплочению и институционализации гражданского протеста. При этом вера в эффективность, результативность своих действий ослабевает, и следующий период – это кризис конфликтной ситуации и спад гражданской активности.

Таким образом, подводя итог нашему исследованию с применением ранее описанной модели, можно сказать, что разработанная схема подходит для описания конфликтной коммуникации, что было подтверждено на примере протестного движения в России в 2011 – 2012 гг. Стоит отметить,

что рассматриваемый период конфликтной коммуникации обладает наибольшей степенью остроты и потому наиболее ярко описывает все особенности конфликтного взаимодействия власти и общества, отражает характерные для новой модели коммуникации тенденции. Не будет преувеличением сказать, что взятый единичный случай, включающий различные формы и методы конфликтной коммуникации, действительно носит экстремальный характер и может служить основой для понимания и изучения новой формы политической коммуникации в России.

В целом, ясно обрисовался новый тренд политического участия в форме конфликтной коммуникации. Массовый характер движения, лишивший государство и властные структуры монополии на владение публичным пространством, а также полностью подчинив себе сеть Интернет, вскрывает абсолютно иной тип взаимодействия власти и общества. Также важно отметить такую новацию, как создание новых организаций и обществ, служащих началу институционализации гражданской протестной активности. Нам представляется, что формирование культуры протеста абсолютно необходимо для развития цивилизованной коммуникации между властью и обществом.

К сожалению, все еще сильны деструктивные элементы в коммуникации как со стороны власти, тяготеющей к подавлению и репрессивным мерам по отношению к активистам, так и со стороны самого гражданского общества, все еще разрозненного и инертного. Более того, важно принять во внимание, что развитию конфликтной коммуникации во многом способствовали экстраординарные условия среды, а не высокий уровень гражданской ответственности. Можно сказать, что, несмотря на обилие конструктивных элементов в организации конфликтной коммуникации, сам характер взаимодействия с властью до сих пор имеет преобладающе стихийный характер.

Говоря о результатах нашего исследования, стоит заключить, что в контексте конфликтно-психологического состояния, в рассматриваемый

период российское гражданское общество прошло все этапы, начиная от неопределенности и заканчивая массовой мобилизацией широких слоев населения в конфликтных формах взаимодействия с властью. Это движение охватило многие слои населения, а также широко распространилось относительно географии страны, таким образом, носило массовый характер, колоссальный в масштабе несколько последних десятилетий.

Также нужно отметить характер взаимодействия, применявшиеся методы обеих сторон. В процессе коммуникации использовались различные инструменты: от мирных комментариев в СМИ и парирования на просторах интернета, через синхронную организацию массовых публичных выступлений, митингов и акций, заканчивая прямым силовым столкновением и применением законодательных механизмов регулирования ситуации. Конечно, по отдельности все эти методы не новы, и применялись в конфликтной коммуникации и ранее. Однако масштаб их использования, а также комбинация всех инструментов создают уникальный прецедент в политической коммуникации России.

Новые черты присущи и для субъектной стороны взаимодействия. Гражданское общество представлено не только профессиональными активистами и традиционными оппозиционерами, но и широкими слоями населения, молодым креативным классом и творческой и интеллектуальной элитой, которые составили организационную основу протестного движения. Интересно отметить, что со стороны власти не было предпринято никаких попыток по налаживанию эффективной коммуникации, не были выдвинуты посредники для диалога. Прямая непосредственная коммуникация между гражданским обществом и властью проходила по-старинке, в процессе силового взаимодействия.

Итак, исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что предложенная нами комплексная модель изучения конфликтной ситуации как формы политической коммуникации эмпирически подтверждается и представляет интерес для научного применения. В рассмотренном нами

конфликтном взаимодействии власти и общества присутствуют все черты политической коммуникации, заложенные в нашей схеме: субъективное измерение (конфликтно-психологический аспект) и объективное измерение (новые субъекты коммуникации, кризисный характер – наличие экстраординарных условий среды, служащих катализатором к развитию конфликтной коммуникации, а также использование новых инструментов и способов взаимодействия).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог нашей работы, стоит отметить, что были выполнены все поставленные задачи.

Во-первых, были рассмотрены теоретические основания взаимодействия власти и общества. Было выявлено, что коммуникативный подход занимает одно из ведущих мест в теориях власти. Также стоит отметить, что конфликтологическая составляющая коммуникативных теорий склоняется к однозначно позитивной оценке конфликта как конструктивного элемента в эффективной политической коммуникации.

Во-вторых, было установлено, что современное демократическое общество обладает высокой степенью конфликтности. Демократия не только не предотвращает конфликтные формы коммуникации, но, наоборот, порождает и поддерживает их развитие в процессе реализации демократических ценностей и идеалов.

В-третьих, были рассмотрены основные модели взаимодействия властных структур и гражданского общества, предлагаемые российскими исследователями. Стало ясно, что в отношении коммуникации власти и гражданского общества (в рамках российской специфики – власти и неправительственных и некоммерческих организаций) преобладает шаткий компромисс, не удовлетворяющий в полной мере интересы граждан. Также были выявлены закономерности конфликтной коммуникации в России, которые характеризуются слабой развитостью каналов коммуникации и превалированием крайних силовых методов, подавлением конфликтов.

В-четвертых, была разработана оригинальная комплексная модель исследования конфликтных форм коммуникации, включающая в себя субъективное измерение (конфликтно-психологическое состояние общества, проходящее в своем развитии несколько этапов: неопределенность, напряженность, депривация, мобилизация) и объективное измерение, вскрывающее специфику протекания конфликтной коммуникации

(субъектная сторона, наличие экстраординарных условий среды, т.е. кризисная ситуация, а также инструментарий).

И, наконец, в-пятых, было проведено исследование с помощью метода кейс-стади, позволяющее применить нашу модель к реальной конфликтной ситуации. Избрав протестное движение 2011-2012 гг. как конкретный единичный и экстремальный случай, нам удалось на основе собственной модели изучить специфику российской конфликтной коммуникации, выделить характерные для современного этапа черты взаимодействия власти и гражданского общества.

Таким образом, нами была изучена специфика конфликта как особой формы политической коммуникации в России. Стоит сказать, что установление конфликтологической парадигмы и понимание конфликта как необходимого и преобразующего элемента коммуникации в России еще впереди. Важным итогом политической коммуникации последних лет стало осознание гражданами своего права на свободное изъяснение мнений и взглядов, освоение права на собрания, а в связи с этим - начало монополизации публичного пространства. Развитие институциональных основ и культурных преобразований в сфере конфликтной коммуникации дают начало для благотворных изменений всего политического пространства и установления сильного гражданского общества, способного вступать в конструктивный открытый диалог с властью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атанесян А. В. Актуальные проблемы современных политических и конфликтных коммуникаций. Ер.: Издательство ЕГУ, 2008. – 302 с.
2. Атанесян А.В. Коммуникативные аспекты политических конфликтов. Ер.: [б.и.], 2005. – 155 с.
3. Ахиезер А.С. Дезорганизация как категория общественной науки // Общественные науки и современность, 1995. №6. С. 28-40.
4. Б. де Жувенель. Власть. Естественная история ее возрастания. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2011. – 546 с.
5. Белокурова Е.В. Государство и благотворительные организации: трансформация моделей взаимодействия (на примере Германии и России). Автореферат дисс. канд. полит. н. М., 2000.
6. Бусова Н. А. Юрген Хабермас о становлении теории коммуникативного действия// Вопросы философии, 2006. №10. С. 148-170.
7. Валадес Диего. Контроль над властью. М.: Идея-Пресс, 2006. – 248 с.
8. Власть как политическая коммуникация (материалы методологического семинара. Москва. 19 мая 2009 года). М.: РАГС, 2010. – 54 с.
9. Власова М.Г. Кейс-стади в исследованиях международных отношений: методология и исследовательская практика // Теория и практика общественного развития, 2012. № 11. С.255-258.
10. Волков Д. Протестные митинги в России конца 2011 – начала 2012 гг.: запрос на модернизацию политических институтов // Вестник общественного мнения, 2012. №2. С. 73-86.
11. Волков Д. Протестное движение в России глазами его лидеров и активистов // Вестник общественного мнения, 2012. №3-4. С. 141-185.

12. Герасимова Е.В. Формы и виды взаимодействия власти и общества в пространстве коммуникации // Теория и практика общественного развития. (Электронный журнал). 2010. № 4. URL:<http://www.teoria-practica.ru/> – 4 –2010/politica/gerasimova2.pdf
13. Гришина Н. В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. – 544 с.
14. Демократия: конфликтность и толерантность / Под ред. В. С. Рахманина. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2002. – 402 с.
15. Зайцев Д.Г., Карастелев В.Е. 2013. Протестное движение в России 2011-2012 годов: проблема субъектности. - Государство и общество в пространстве политических коммуникаций. Политическая наука. Ежегодник 2013. С. 231-266.
16. Кинсбургский А.В., Топалов М.Н. «Гражданские качели» России: от массового протеста до поддержки реформ. // Власть, 2006. №5. С. 51-58.
17. Клеман К. Вызов властным отношениям: Гражданские протестные движения в закрытой политической системе. // Свободная мысль, 2007. № 1. С. 86-97.
18. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 2002. – 205 с.
19. Козырев Г.И. Политическая конфликтология. М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2008. - 432 с.
20. Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования). Под ред. д. филос. н. Е.И. Степанова. М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 344 с.
21. Крамник В.В. Социально-психологический механизм политической власти. Л.: Издательство ленинградского финансово-экономического института, 1991. – 160 с.
22. Красин Ю.А. Политическое самоопределение России: проблемы выбора. // Полис, 2003. № 1. С. 124-133.

23. Красин Ю.А. Демократия в России: коридор возможностей. // Россия реформирующаяся. Ежегодник. М.: Институт социологии РАН, 2004. [Электронный ресурс] // URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Demokratiya_v_Rossii.pdf
24. Кудряшова М.С. К вопросу о перспективах гражданского общества в России. // Вестн. Моск. ун-та, сер. 12. Политические науки, 2001. №5. С.64-68.
25. Куконков П.И. Социальная напряженность как этап в процессе развития конфликта // Социальные конфликты, 1995. №9. С. 13-21.
26. Культура конфликта во взаимодействии власти и гражданского общества как фактор модернизации России: сборник статей / Ин-т «Справедливый Мир», Рос. ассоц. полит, науки, Фонд им. Фридриха Эберта ; [редкол.: Л. И. Никовская (отв. ред.), В. Н. Шевченко, В. Н. Якимец]. М.:Ключ-С, 2012. — 352 с.
27. Кутыгина Е.Н. Культура политического протеста. Автореферат дисс. канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2005.
28. Лалетин И.Н. Гражданские протесты в российском обществе в условиях трансформации. Автореферат дисс. канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2013.
29. Ловкова А.А. Взаимодействие органов местного самоуправления, общественных организаций и бизнеса как форма социального партнерства. Автореферат дисс. канд. соц. наук. Саратов, 2009.
30. Луман Н. Общество общества. Часть I. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. – 232 с.
31. Макарова И.В. Конфликт и неформальная коммуникация Теория и практика общественного развития. (Электронный журнал). 2012. № 12. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/12/sociologiya/makarova.pdf

32. Мельвиль А.Ю. Категории политической науки. М.: МГИМО МИД РФ, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 656 с.
33. Назаров М.М. Политический протест: опыт эмпирического анализа. // Социс, 1995. №1. С. 47-59.
34. Назарчук А.В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М.: Издательство «Весь мир», 2012. – 246 с.
35. Най Дж. С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск: Фонд Социо-прогностических Исследований "Тренды", 2006. – 224 с.
36. Никовская Л.И. Трансформация в России с точки зрения теории конфликта. // Социс. 2006. №9. С. 79-85.
37. Никовская Л.И. Разнообразие и сложность вызовов для взаимодействия власти и гражданского общества в контексте задач модернизации: место, роль и культура конфликта // Культура конфликта во взаимодействии гражданского общества и власти. М., 2012. С.81-93.
38. Никовская Л.И. Конфликтное измерение политической трансформации в России. Автореферат дисс. д.соц. н. М., 2004.
39. Осетрова Е.В. Поле властной коммуникации: способы взаимодействия субъектов // Вестник Красноярского государственного университета: гуманитарные науки, 2002. № 2 . С. 59-65.
40. Петренко А. И. Актуальные вопросы обеспечения информационно-психологической безопасности системы социально-политических отношений современного информационного общества //: Россия и Европа: информационное сотрудничество в условиях глобализации / Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ, 2004. № 11. С. 53-59.
41. Петухов В.В. Новые поля социальной напряженности. // Социс, 2004. № 3. С. 30-41.

42. Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика /Под ред. Л.Н.Тимофеевой. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 327 с.
43. Политическая коммуникация: ключевые концепты / Даррен Дж. Лиллекер. Науч. ред. О.С. Дейнека. Харьков: Гуманитарный центр, 2010. – 297 с.
44. Политическая конфликтология / Коваленко Б.В., Пирогов А.И. М.: Ижица, 2002. – 398 с.
45. Политическая конфликтология перед новыми вызовами / Дмитриев А. В., Глухова А. В., Каргунов А. В. и др. ; Воронежский межрегион. ин-т обществ. наук; Под ред. А. В. Глуховой. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. – 281 с.
46. Проблемы становления гражданского общества в России / науч. ред. С.С. Сулакшин. М.: Фонд развития полит. центризма, 2003. – 170 с.
47. Райсиг Р. Исследования трансформации: достижения, насущные проблемы и перспективы. Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. Т.2. СПб., М., Берлин, 2003. – 371 с.
48. Современная конфликтология в контексте культуры мира: материалы I Международного конгресса конфликтологов / РАН, Центр конфликтологии, Ин-т социологии, Междунар. ассоц. конфликтологов, Ин-т культуры мира. Отв. ред. Е.И. Степанов. М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 590 с.
49. Социальный конфликт: общее и особенное / А.В. Дмитриев. М.: Гардарики, 2002. – 524 с.
50. Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России / под общ. ред. А.С. Автономова. М.: Фонд НАН, 2003. – 416 с.
51. Сунгуров А. Модели взаимодействия органов государственной власти и структур гражданского общества: российский опыт //

Модернизация экономики и глобализация: В 3 кн. /Отв. ред. Е.Г.Ясин.
Кн. 1. М.: ГУ ВШЭ, 2009. С. 500-508.

52. Теория коммуникации / М.Ю.Коноваленко, В.А.Коноваленко. М.: Юрайт, 2012. – 415 с.

53. Терешина Е.А. Культура управления конфликтом во взаимодействии власти и общества: от конфронтации к выстраиванию конструктивного партнерства. // PolitBook, 2013. №4. С. 172-178.

54. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты) // Личность. Культура. Общество, 2003. № 1-2. С. 260-321.

55. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. СПб.: Наука, 2000. – 382 с.

56. Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология. В 3 ч. Ч. 1. М.: РАУ, 1992. - 180 с.

57. Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, 2007. – 373 с.

58. Якимец В.Н. Основы, принципы и механизмы межсекторного социального партнерства в России. Автореферат дисс. д. соц.н. СПб, 2002.

59. Якимец В.Н, Никовская Л.И. Сложносоставные конфликты – атрибут постсоциалистической трансформации // Социс, 2005. №8. С. 77-90.